

Светлана Жарникова

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

истоки русской народной культуры

Светлана Жарникова

**Золотая нить. Истоки
русской народной культуры**

«Издательские решения»

Жарникова С. В.

Золотая нить. Истоки русской народной культуры /
С. В. Жарникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904785-4

«Книга С. В. Жарниковой „Золотая нить“ посвящена древнейшим корням русской народной культуры. Из книги С. В. Жарниковой читатели узнают о сложной символике древних орнаментов, возраст которых иногда превышает двадцать тысячелетий, донесенных северо-русскими ткачихами и вышивальщицами до наших дней. О глубоких многотысячелетних истоках образов наших народных песен, сказок, былин, заговоров и т. д.». Доктор исторических наук, лауреат премии Джавахарлала Неру Н. Р. Гусева

ISBN 978-5-44-904785-4

© Жарникова С. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава первая	15
Глава вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Золотая нить

Истоки русской народной культуры

Светлана Васильевна Жарникова

Редактор Светлана Васильевна Жарникова

Иллюстратор Светлана Васильевна Жарникова

© Светлана Васильевна Жарникова, 2020

© Светлана Васильевна Жарникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4490-4785-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга С. В. Жарниковой «Золотая нить» посвящена древнейшим корням русской народной культуры. Автор – историк, искусствовед и этнограф более двух десятилетий отдала изучению традиционной народной культуры Русского Севера. В предлагаемой вниманию книге традиции и обряды, художественное творчество и песенный фольклор населения Русского Севера рассматриваются с позиций «полярной гипотезы», сформулированной в 1903 г. выдающимся индийским ученым Б.Г.Тилаком. Суть этой гипотезы заключается в том, что в древнейший период своей истории, вплоть до рубежа 4 тыс. до н.э., предки практически всех европейских народов и некоторых народов Азии (индоевропейцы) проживали на территории Восточной Европы – своей прародины. Часть этих народов, являвшихся предками иранцев и индийцев, или как они сами себя называли «арьев», жила в высоких широтах – в Приполярье и Заполярье.

В наши дни «полярная гипотеза» Б. Г. Тилака приобретает все большее количество сторонников среди ученых разных стран.

С.В.Жарникова, разделяя взгляды выдающегося индийского ученого, внесла свой вклад в дальнейшую разработку и подтверждение «полярной гипотезы» Тилака и превращение ее из гипотезы в «теорию полярной прародины индоевропейцев».

В книге С.В.Жарниковой «Золотая нить» живым, популярным языком рассказывается о сенсационных открытиях, сделанных автором в 80-х – 90-х годах, среди которых определение местонахождения легендарных «священных северных гор» арьев, воспетых в мифах и преданиях, поиски которых велись учеными разных стран более 150 лет. Книга повествует о сложившихся в глубокой древности на севере Восточной Европы и унесенных арьями в 3—2 тысячелетиях до н.э. на территорию Ирана и Индостана обрядах и обычаях, доживших до наших дней в одинаковых формах как в Индии, так и на севере России. Многие из них впервые получают объяснение на основе древних арийских текстов.

Из книги С.В.Жарниковой читатели узнают о сложной символике древних орнаментов, возраст которых иногда превышает двадцать тысячелетий, донесенных севернорусскими ткачихами и вышивальщицами до наших дней. О глубоких многотысячелетних истоках образов наших народных песен, сказок, былин, заговоров и т. д.

В наш век бурного развития национального самосознания, поиска народами своих этнических корней и возникающих зачастую на этой почве конфликтов, книга С.В.Жарниковой является чрезвычайно актуальной и важной в осознании народами их родственных связей и в укреплении деловых и дружественных контактов.

*Доктор исторических наук,
Лауреат премии Джавахарлала Неру
Н. Р. Гусева*

Введение

Нить знания

Русский Север – удивительный, сказочный край. Он воспет в наших древних песнях, былинах, преданиях и легендах. И не только в них. О далекой северной стороне Гиперборее, что лежит близ берега холодного Кронийского океана, рассказывают и самые древние мифы Греции. Они поведали нам о том, что именно здесь, за суровым северо-восточным ветром Бореем, находится земля, где растет чудесное дерево с золотыми яблоками вечной юности. У подножия этого дерева, питая его корни, бьет ключ живой воды – воды бессмертия. Сюда, за золотыми яблоками дево-птиц Гесперид, отправился когда-то герой Геракл. На далеком севере, в Гиперборее, у Тартессы – «града, где спят чудеса всего мира, пока им не придет срок родиться и выйти к смертным на землю», ждал Геракла золотой челн Солнца. И это не удивительно, ведь Гиперборея – родина солнечного Аполлона и сюда его, согласно древнегреческому мифу, каждое лето приносили белоснежные крылатые кони-лебеди.

Но не только древние греки в своих преданиях воспели далекий северный край. Из глубины тысячелетий звучит этот гимн земле, лежащей у северной границы мира, близ берегов Молочного (Белого) моря: «Над злом возвышается та страна, а потому Вознесенной зовется! Считается, что она посередине между востоком и западом... Это вознесенного Золотого Ковша дорога... В этом обширном северном крае не живет человек жестокий, бесчувственный и беззаконный... Там мурава и чудесное древо богов... Здесь Полярную Звезду укрепил Великий Предок... Северный край „вознесенным“ слывет, ибо он возвышается во всех отношениях». Такими проникновенными словами повествует о далеком приполярном севере древнеиндийский эпос «Махабхарата»¹.

Русский Север – его леса и нивы не топтали орды завоевателей, его свободный и гордый народ в большинстве своем не знал крепостного гнета, и именно здесь сохранились в чистоте и неприкосновенности древнейшие песни, сказки, былины Руси. Именно здесь, по мнению многих исследователей, сохранились такие архаические обряды, ритуалы, традиции, которые древнее не только древнегреческих, но даже и зафиксированных в Ведах, самом древнем памятнике культуры всех индоевропейских народов.

О значительной близости славянской и ведической мифологии писал еще в 19 веке А.Н.Афанасьев, который придавал огромное значение схождениям в мифологических сюжетах и обрядовой практике у восточных славян и древних арьев².

Эти схождения и зримые параллели отмечены в трудах русских историков и лингвистов 19 – начала 20 вв.; достаточно вспомнить работы А.Х.Востокова, И.И.Срезневского, Вс. Миллера, В.В.Бартольда, Н.М.Гальковского и др. Идея единства истоков народной культуры славян и ираноязычных народов Восточной Европы красной нитью проходит в работе В.А.Городцова «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве». Индолог Н. Р. Гусева в своей работе «Индуизм» ставит вопрос о наличии древней индославянской общности, которую отличало не только значительное языковое сходство, но и исключительная культурно-хозяйственная близость, сложившаяся в условиях очень длительного совместного обитания. Она пишет: «В глубокой древности складывались не только общие или крайне близкие языковые явления, но и те общие или сходные религиозные представления, которые можно проследить и в среде славянских народов, и в среде индоарьев... Схождения

---

¹ Голосовкер Я. Э. Сказания о титанах. – М.: Высшая школа. – 1993. – С. 29, 35; Махабхарата. Вып. III. – Ашхабад. – 1985. – С. 305—307.

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу (в связи с другими родственными народами). – т. I. —3. – М. – 1865—1869.

индо-славянской сакральной лексики и ритуальной практики могут быть единственно результатом древних и длительных контактов между предками той и другой группы народов»³.

Так как большинство современных ученых считает, что на рубеже 2 – 1 тыс. до н.э. племена арьев уже находились в Северо-Западной части полуострова Индостан, то естественно предположить, что сходные религиозные представления и мифология арьев и славян сложились значительно раньше.

Известный переводчик гимнов Ригведы – древнейшей части Веды (риг – изреченное, веда – знание) на русский язык – Т.Я.Елизаренкова пишет: «По глубочайшему убеждению переводчика, при переводе с ведийского на другие языки русский язык обладает рядом несомненных преимуществ перед западноевропейскими языками. Эти преимущества определяются как большей степенью соответствия между ведийским и русским в силу лучшей сохранности в нем архаизмов, чем в западных языках, так и большей близостью русской (славянской) мифо-поэтической традиции к индоиранской»⁴.

И действительно, давайте сравним слова этих, столь, казалось бы, далеких сегодня друг от друга языков: русского и языка священных текстов Древней Индии – санскрита. Сравним, к примеру, имена богов Веды и славянской древности. Бог огня – Агни, еще его зовут Кравьяд (т.е. поедающий сырую плоть), Яма – бог смерти, яга – жертва на санскрите (и вспомним нашу Бабу-Ягу). Имя славянского Стрибога состоит из двух частей – «стри» – простираться (санскрит) и «бхага» – милостивец (санскрит); имя Неба – Сварог – от санскритского слова «сварга», что и значит – небо (отсюда и славянское наименование солнца – Сварожич, т.е. сын неба – Сварога). И наконец, русская «сваха» – женщина, соединяющая женихов и невест, создающая новые семьи и зажигающая новые «семейные очаги», и жена ведического бога огня («Агни») – Сваха. Огромное количество сходений дает нам и обыденная лексика:

---

³ Гусева Н. Р. Индуизм. – М. Наука. – 1977. – С. 52—53.

⁴ Ригведа. Мандалы I—IV. Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. – М. Наука. – 1989. – С.543.

Русский	Санскрит
Вас	Вас
Вам	Вам
Нас	Нас
Те	Те
То	То
Тот	Тат
Этот	Этат
Когда	Када
Тогда	Тада
Свой	Свая
Твой	Твая
Свояк	Свака
Дядя	Дада
Брат	Бхратра
Деверь	Девара
Мать	Матри
Праматерь	Праматри
Сноха	Снуша
Диво	Диво
Дева	Деви
Речь	Рич
День	Дина
Свет	Швета
Зима	Гима
Снег	Снега (скользкость)

Мы пользуемся таким словом как «гать», «гати» в значении – дорога, проложенная по болоту, но в санскрите «гати» – проход, путь, дорога. Санскритскому слову «гали» – оскорбительные речи, ругательства, есть русский аналог – «изгаляться», «галиться»; санскритскому «дра» – идти, бежать – соответствует русское «драпать»; слову «радана» – плач, слезы, наше – «рыдание»; санскритскому «вакья» – слово, разговор, русское «вякать». Зачастую мы просто пользуемся тавтологиями, соединяя два слова с абсолютно одинаковым значением: мы говорим «трын-трава», но в санскрите «трин» и значит «трава»; мы говорим «карнаухий», но в санскрите «карна» и значит ухо; мы говорим «дремучий лес», но в санскрите «друма» и значит дерево. Эти примеры можно было бы продолжать еще долго. Так, например, в вологодских и архангельских диалектах встречаются такие слова, сохранившиеся с глубокой древности:

Севернорусское диалектное		Санскрит	
адина	ненасытный, прожорливый	адина адина	принятие пищи, наслаждение неунылый, неподавленный, веселый
арвина	дратва для починки обуви	арван	бегущий, спешащий, быстрый
арсей	жидкое болото с темной водой	арш	течь, скользить
бат	может быть, возможно, очевидно, вероятно	бат	поистине
бус бусо бусый бусенец буселы	копоть, грязь сыро, пасмурно дымчатый, серый мелкий морозящий дождь, туман плесневелые, испорченные продукты	буса	пар, угар, отбросы, нечистоты
варака	неряшливый, убогий, неудачник	варака	бедный, жалкий
варахоба	неповоротливая, неуклюжая, грязнуля	вараха	кабан (свинья)
варя	лицо	варя	круг, ограниченное пространство
вирава виркой	крик, шум шумный, скрипучий	вирава	крик, шум
гуня	белье, нижняя рубаха	гуна	нить
дивья	легко, хорошо, удивительно, повезло	дивья	удивительный, прекрасный, чудесный, великолепный, небесный
душина	дурной запах	душти	порча, разложение, гниение
душить	издавать неприятный запах	душ	быть плохим
етистый	яркий, красивый	ета	пестрый, переливающийся, сверкающий
жвар	напряженная работа, горячая пора, страда	жвар	быть горячим, раскаленным

жварить	торопиться делать что-либо, делать как можно скорее	жвара	жар, лихорадка
калить	ругать, понуждать	калана	понуждение
караксы	руки	кара	дело, работа, рука
кувай	глухонемой	карас	дело, действие
кувайка	глухонемая	акарака	безрукий
(не) ку'ка	не звука, (не дать о себе ничего знать)	кувате, ку	звучать
кульнуть	упасть в воду	кула	река, ручей, канал
кулина кулыня	богатая женщина	кулина	родовитый, знатный
курдан, курдана, курданка	провал в высохшей реке, глубокое место в реке, омут	курда, курдана	трещина
кумка	чашка	кумбха	кувшин, горшок
кретать	двигать, перемещать что-либо	критья	дело, действие, волшебство
лавина	скошенная трава, сено	лавана	срезание, покос
малава	нечистая сила, приведение	малавант	грязный
мат'аня	милый, возлюбленный	матта	влюбленный
мад'аня	милая, возлюбленная	мадана	любовь
наянка	бойкая, веселая женщина	наяна	образ жизни, разумное поведение
ощурить	поджаривать	оша	горение, сгорание
пакши	руки, перья, крылья	пакша	крыло, боковая сторона тела
папин	безнравственный, злодей, негодяй	папин	безнравственный, злодей, негодяй
сарга	кусок бересты или полоска металла, связывающая рабочую часть косы-горбуши с деревянной рукоятью	сарга	управляющая движением
упавод	отрезок времени, время ожидания	упавод упавас упаваса	обращаться ждать пост, воздержание
хара	песок	хара	желтый, золотистый

Стоит отметить, что один из крупнейших современных американских лингвистов П. Фридрих считает, что праславянский язык лучше всех других индоевропейских языков сохранил древнейшую индоевропейскую систему названий деревьев, из чего он делает вывод, что предки славян в общеславянский период жили в такой природно-климатической зоне, которая соответствует прародине индоевропейцев, и «после общеславянского периода носители различных славянских диалектов в существенной степени продолжали жить в подобной обла-

сти»⁵. Надо сказать, что еще выдающийся лингвист первой трети 20 века А. Мейе был убежден, что древнеславянский язык является одним из самых древних в общеиндоевропейской семье и продолжает «без какого-либо перерыва развитие общеиндоевропейского языка: в нем нельзя заметить тех внезапных изменений, которые придают столь характерный вид языкам греческому, итальянскому (особенно латинскому), кельтским, германским...

Славянский язык – это индоевропейский язык, в целом сохранивший архаический тип»⁶. Советский языковед Б.В.Горнунг считал, что предки арьев (индоиранцев) в конце III тыс. до н.э. заселяли северо-восток Европы и находились где-то около Средней Волги, а другой выдающийся советский лингвист В. И. Абаев пишет: «Через ряд столетий пронесли арии память о своей прародине и ее великой реке Волге»⁷. Еще в 20-х годах нашего века академик А. И. Соболевский говорил о том, что на громадных просторах европейской России, вплоть до северных областей, господствуют названия, в основе которых лежит какой-то древний индоевропейский язык. Он писал в своей работе «Названия рек и озер Русского Севера» (1927 г.): «Исходный пункт моей работы – предположение, что две группы названий родственны между собой и принадлежат одному языку индоевропейской семьи, который я пока, вплоть до подыскания более подходящего термина, именую скифским»⁸. В 50-е годы шведский ученый Г. Еханнсон пришел также к выводу о том, что в географических названиях Скандинавии и вообще всего севера Европы присутствует мощная скифская подоснова⁹.

Мы уже отмечали ранее, что во II тыс. до н.э. в Северо-Западную Индию со своей Восточно-индоевропейской прародины приходят племена скотоводов и земледельцев, именующих себя «арьями», т.е. «благородными». Часть арьев, и немалая, ушла со своей прародины в поисках лучшей доли, но трудно представить себе ситуацию, при которой все население значительной части Восточной Европы покинуло бы ее. Скорее всего такая ситуация просто невозможна, потому что «не выявлено исторических причин, которые могли бы вызвать обязательный всеобщий их уход из своей прародины»¹⁰. Вероятно, большая часть арийских племен осталась дома, на просторах Восточной Европы, чтобы стать предками будущих народов этой земли. И нет ничего удивительного в том, что академик Н.Я.Марр считал, что древняя подоснова славянства имеется далеко на севере, «в тех местах, которые до последнего времени считались отнюдь не славянскими и занятыми славянами уже на заре так называемого исторического времени»¹¹.

Итак, тысячелетия назад уходили с этих земель племена арьев, чтобы обрести новую родину в Иране (правильно Арьяна – земля арьев) и Индии. Уходили и уносили с собой свои предания, сказки, мифы, верования, обряды, свои песни, танцы, своих древних богов. На новой для них земле, среди других народов они свято хранили память о своем прошлом, о своей прародине. Хранили свою и нашу память! Низкий поклон Вам, далекие братья и сестры, за то, что через тысячелетия пронесли Вы нашу общую святыню, наше общее прошлое, нашу общую память! За то, что сохранили золотые ключи от ушедших времен, и сегодня мы открываем ими сокровищницу прошлого своего народа. Нужно ли это нам? На этот вопрос ответил еще в 1911 году выдающийся исследователь Русского Севера А. Журавский: «В „детстве“ челове-

⁵ Иванов Вяч. Вс. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. – М. Наука. – 1976. – С. 39.

⁶ Мейе А. Общеславянский язык. – М. Изд-во иностранной литературы. – 1951. – С. 14.

⁷ Абаев В. И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М. Наука. – 1981. – С. 89.

⁸ Соболевский А. И. Названия рек и озер Русского Севера. Известия отделения русского языка и словесности АН СССР – М. – 1927. – №32.

⁹ Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы). ВИ. – 1974. – №4. – С. 67.

¹⁰ Гусева Н. Р. Индуизм... С. 31.

¹¹ Третьяков П. Н. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК. – М. – Л. – Изд. АН СССР. – 1940. – №1. – С. 11.

чества – основы для познания и направления грядущих путей человечества. В эпохах „детства России“ – путь к познанию России, к контрольному познанию тех исторических явлений нашей современности, которые представляются нам фатально сложными и не подчиненными правящей воле народа, но корни которых просты и элементарны, как начальная клетка сложнейшего организма. Зародыши общественных „зол“ – в личных каждого и всех. И мы обязаны всемерно воспользоваться опытами седого прошлого, и чем ближе к зародышам этого прошлого мы проберемся, тем сознательнее, вернее и увереннее пойдем „вперед“... Именно история „детства человечества“, именно этнография поможет нам познать логические законы естественного прогресса и сознательно, а не слепо, идти „вперед“ самим и двигать „вперед“ свой народ, ибо этнография и история – пути к познанию того „прошлого“, без которого нельзя применить к познанию грядущего познание настоящего... Россия же меньше, чем какая-либо другая нация, может познать себя без помощи познания корней своего прошлого; а не познав себя, невозможно познать других и учесть свои положения среди других, как не исправив себя, невозможно исправить других... Погибли зародыши многих верований и идеалов, – будем же искать их отпечатки на предметах, пока не погибли навеки и они. Это отнюдь не только „интересно“ или „любопытно“, но жизненно важно, необходимо»¹².

---

¹² Журавский А. Европейский Русский Север. ИАОИРС. – 1911. – №16.-С. 293, 308.

Глава первая Белая Индия К ИСТОКАМ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

*Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!
(Н. Клюев «Поэту Сергею Есенину» 1916 г.)*

В 1903 году в индийском городе Бомбее вышла в свет книга со странным и интригующим названием «Арктическая Родина в Ведах». Автором ее был выдающийся борец за освобождение Индии от колониального гнета и замечательный ученый Бал Гангадхар Тилак. Посвятив всю свою жизнь исследованию культуры родного народа, он долго и тщательно изучал древние предания, легенды и священные гимны, рожденные в глубинах тысячелетий далекими предками индийцев и иранцев. И вот, суммировав те странные явления, которые были описаны в священных книгах индийцев «Ведах» и иранцев «Авесте», Б. Тилак пришел к выводу, ошелолившему его современников: Родина предков индоиранцев (или как они себя называли – «арьев») находилась на севере Европы, где-то около Полярного круга. Книга произвела на современников писателя впечатление разорвавшейся бомбы. Кто-то считал это добросовестным заблуждением, кто-то – сказкой, а кто-то и фальсификацией. И уж никак не укладывалось в голову, каким образом север Европы мог быть «благодатным краем», а ведь именно таким описывали его гимны «Ригведы», самой древней из «Вед». Но в общем гуле недоверия раздавались и другие голоса – голоса тех, кто поверил Тилаку и также пошел в поиск по предложенному индийским ученым пути. Результаты не замедлили сказаться, и вслед за книгой Тилака вышла в 1910 г. еще одна работа – книга русского ученого Е. Елачича «Крайний Север как родина человечества»¹³. Как и в работе Б. Тилака, в книге Е. Елачича приводятся многочисленные выдержки из древних священных текстов Ригведы и Авесты, объяснить которые могла лишь только «северная» гипотеза их происхождения. Надо сказать, что Веда (Знание) – гимны, мифы, описания обрядов, молитвы в течение многих тысячелетий передавались из поколения в поколение преимущественно в родах жрецов, а время возникновения самых древних частей Веды никому не известно. Оно может относиться к 5 – 4 тысячелетию до нашей эры, т.е. к тому времени, когда (как считают некоторые историки) единый индоевропейский праязык распадается на отдельные диалектные группы. Ученые, занимающиеся изучением индоевропейских языков, пришли к выводу, что у древних арийских языков со славянскими прослеживается гораздо большее количество сходжений, чем с любым другим языком индоевропейской семьи. Созданные в глубокой древности общими предками славянских и индоиранских народов гимны Вед, наряду с древнеиранской Авестой, считаются одним из древнейших памятников человеческой мысли. Многие факты, сохраненные в мифах, преданиях, молитвах и гимнах, свидетельствующие о том, что создавались эти тексты на крайнем севере Европы, приводили в своих работах Б. Тилак и Е. Елачич. Например:

Великий бог Индра – могучий воин-громовержец – разделил своей властью небо и землю, надев их на невидимую ось как два колеса. И с тех пор звезды кружатся над землей по кругам, а укреплена эта ось в небе Полярной звездой (Дхрувой – «нерушимой, неколебимой»). Такие астрономические представления, конечно же, не могли возникнуть в Индии. Только

---

¹³ Елачич Е. Крайний Север как родина человечества. – Спб. – 1910.

в полярных широтах во время полярной ночи видно, как звезды описывают около стоящей неподвижно Полярной звезды свои суточные круги, создавая иллюзию круга неба над кругом земли, скрепленных, как колеса, неподвижной осью.

В гимнах Ригведы и Авесты говорится о том, что на родине арьев полгода длится день и полгода – ночь, а «год человеческий – это один день и одна ночь богов».

Естественно, жизнь вдали от Северного полюса не могла породить представления о долгой полярной ночи и дне, длящемся полгода. Как не могли люди, живущие вдали от севера, воспеть зарю такими словами:

*«По правде, это было много дней
В течение коих до **восхода солнца**
Ты, о заря, была видна нам!
Многие зори не просветлились до конца
О, дай, Варуна, нам зари **до света** прожить».*

Здесь певец древнего арийского гимна обращается к могущественному владыке небесного океана, хранителю космического закона и правды на земле богу Варуне (Паруне) с просьбой помочь пережить длинную *тридцатидневную зарю* и дожить до дня. Он просит:

*«О, дай нам, **длинная темная ночь**,
Конец твой увидеть, о ночь!»*

Интересно, что и в Ведах, и в Авесте сохранились воспоминания о полярной ночи, которая длится не более 100 дней в году. Так, в индийском богослужении есть обряд подкрепления бога-воина и громовержца Индры ритуальным хмельным напитком «сомой» во время его борьбы за освобождение солнца от плена, которая длится сто суток. В древнеиранской священной книге Авесте, где также рассказывается о борьбе бога-воина Тиштры за солнце, жрецы подкрепляют его питьем *сто ночей*. Надо сказать, что предание о борьбе за освобождение солнца от долгого плена, идея которой могла быть внушена лишь полярной ночью, является одним из ведущих во всей мифологии Вед.

Атак как с концом полярной ночи приходит конец зиме, тает снег, оживает вся природа, шумят сбросившие лед реки, то Индра-освободитель солнца носит еще и название «освободитель вод». О том, что с освобождением солнца, с его возвращением на небо, освобождаются и воды, говорят многие гимны Вед и Авесты.

В древних индийских преданиях, на которые обратили свое внимание Тилак и Елачич, есть очень интересные описания полярного сияния, которое представлялось людям явлением самого Верховного Божества на земле. Вот одно из них. Однажды великий мудрец и подвижник Нарада (стоит заметить, что высочайшая вершина Приполярного Урала зовется также – Нарада) отправился на берег Молочного (т. е. Белого) моря и оттуда на северо-запад, где находился большой остров, названный Шветадвипа (Светлый Остров). Достигнув этого острова, где обитали «светлые, сияющие подобно месяцу, люди», он воздел руки к небу и стал призывать в молитве Верховного Бога, восхваляя его тайными именами. И тогда на призыв Нарады «зримый во вселенском образе» явился Бог, который был «как бы подобно месяцу духовно чистый, и, вместе с тем, как бы вполне от месяца отличный. И как бы огнецветный, и как бы мысленно мелькнувшее звезды сияние; как бы радуга, и как хрустальная искристость, как бы иссиня-черный мазок, и как бы золота груды. То цвета ветки коралла, то, как бы белый отблеск, здесь золотоцветный, там подобный бериллу; как бы синева сапфира, местами – подобный смарагду, местами – подобный жемчужной нити. Так многообразные цвета и образы принимал Вечный

Святой стоголовый, тысячеголовый, тысяченогий, тысячеокий, тысячечревный, тысячерукий, а местами – незримый»¹⁴.

Сравним это древнее описание с тем, что пишет о полярном сиянии в конце 19 века С.В.Максимов: «Я был прикован глазами к чудному, невиданному зрелищу, открывшемуся теперь из темного облака. Оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засияло ослепительными цветами, целым морем цветов, которые переливались из одного в другой, и как будто искры сыпались бесконечно сверху, искры снизу, с боков... Вот обольет всю окольность лазоревым, зеленым, фиолетовым, всеми цветами красивой радуги, вот заиграют топазы, яхонты, изумруды»¹⁵. Не правда ли, удивительно похожи эти описания, разделенные многими тысячами лет. И если даже такой трезвый прозаик, как Фритьоф Нансен писал о Северном сиянии полные восторга слова: «Какая бесконечная игра... Здесь, на Севере, будущее земли, здесь красота и смерть. Но почему же. Зачем же создана вся эта небесная сфера? О, читайте ответ в его голубом звездном пространстве!»¹⁶, то, как мог воспринимать его человек в глубокой древности 6—8 тысяч лет назад. Вероятно, именно как непостижимое, чудесное явление Верховного Божества поклоняющимся ему людям, жителям приполярных областей Европы, где только и можно на побережье Белого и Баренцева морей увидеть такое яркое и многокрасочное зрелище, так как ближе к полюсу северное сияние более однообразно, а южнее вообще явление крайне редкое. Интересно, что в древнеиндийском эпосе Махабхарата отмечена очень важная деталь – мудрецы «от сияния пришли в исступление, силы зрения и других чувств лишились, ничего не видели *и только разливающийся звук отчетливо воспринимали*». С.В.Максимов, в свою очередь, пишет: «Ничего не разберешь, ничего не сообразишь для одного цельного впечатления – все мешается и путается. В глазах рябит и становится больно... Как будто огромная всемирная кузница пущена теперь в ход» и он же отмечает, что на побережьях Белого и Баренцева морей «сполохи» сопровождаются пронзительными звуками. Такое явление характерно именно для этих широт и не встречается больше нигде.

Но не только на непрерывную ночь, но и на непрерывный день имеются указания в Ведах. Вблизи полюса наблюдается, как солнце, поднявшись на определенную высоту над горизонтом, останавливается, стоит на месте и затем идет назад. В Ведах говорится:

«Свою колесницу бог Солнца остановил посредине неба». Этот образ невозможно объяснить иначе, кроме как тем, что наблюдается движение солнца в северных широтах. В другом месте Ригведы говорится: «Бог Варуна *качал* на небе солнце, словно на качелях».

Где еще можно наблюдать подобную картину, кроме как в приполярных странах, где солнце в известное время года не скрывается за горизонтом, а только пригибается к нему и снова отходит, словно качается.

Н. Р. Гусева подчеркивает, что: «Со времен пребывания арьев в Заполярье лунный календарь играл решающую роль в исчислении месяцев... В полярных областях луна в дни полнолуния проходит через „точку севера“ 13 раз в год, а значит, и весь год делится на 13 лунных месяцев... В Ригведе и других памятниках древней литературы луне посвящено столько гимнов и столько предписаний с ней связано, что до сих пор в сознании жителей этой страны культ луны занимает первенствующее место по сравнению с культом солнца – даже многотысячелетнее занятие земледелием не смогло поколебать это соотношение»¹⁷. И далее: «Как зори по горизонту, так и солнце и звезды по небу совершают круговые движения, и эти картины можно наблюдать только в приполярных (и заполярных) областях. Тилак отмечает, что, судя по памятникам, Большая Медведица, именуемая в Индии Созвездием семи пророков, всегда

¹⁴ Махабхарата. Вып. V. Книга 2. Нараяния. – Ашхабад. Илым. – 1984. – С. 17— 18, 26—27.

¹⁵ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск. — 1984. — С. 402.

¹⁶ Белдыцкий Н. В. В низовьях Печоры. ИАОИРС-1911. – №4. – С. 267.

¹⁷ Гусева Н. Р. Глубокие корни. Дорогами тысячелетий. – М. Молодая гвардия. – 1991. – С. 26.

видна высоко в небе, когда наступает мрак (Ригведа, I), тогда как в более южных областях – и тем более в Индии – она появляется лишь низко над северным горизонтом. Это тоже важное наблюдение, так как с тех древнейших времен эти семь пророков почитаются в индуизме как авторы гимнов Вед и основоположники всех священных знаний. Это созвездие, должно быть, играло важную роль в деле ориентации людей по звездам, связанной с хозяйственной деятельностью, не прекращающейся, естественно, и во время „сна богов“, т.е. полярной ночи»¹⁸.

Бесспорно, именно на арктические реалии указывает и текст эпоса Махабхарата, где говорится о том, что: «По мере того, как непрерывно движется Полярный круг, на нем обнаруживается три сотни и шестьдесят делений»¹⁹.

Среди удивительных феноменов земли арьев, описанных в Ведах и Авесте, есть один, исключительно важный, который уже почти столетие привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей – это священные горы прародины арьев: Меру – в индийских преданиях, Хара – в иранских.

Вот что поведали о них древние предания.

На севере, где находится «чистый, прекрасный, кроткий, желанный мир», в той части земли, которая «всех других прекрасней, чище», обитают великие боги: Кубера – бог богатства, семь сыновей бога-творца Брахмы, воплотившихся в семь звезд Большой Медведицы, и, наконец, сам владыка Вселенной Рудра-Хара – «носящий светлые косы», «камышеволосый, русобородый, лотосоголубокий, всех существ Предок»²⁰. Для того, чтобы достичь мира богов и предков, надо преодолеть великие и бескрайние горы, которые протянулись с запада на восток. Вокруг их золотых вершин совершает свой годовой путь солнце, над ними в темноте сверкают семь звезд Большой Медведицы и расположенная неподвижно в центре мироздания Полярная звезда.

С этих гор устремляются вниз все великие земные реки, только одни из них текут на юг, к теплому морю, а другие – на север, к белопенному океану. На вершинах этих гор шумят леса, поют дивные птицы, живут чудесные звери. Но не дано простым смертным всходить на них, лишь самые мудрые и смелые переступали этот предел и уходили навеки в блаженную страну предков, берега которой омывали воды Молочного океана.

Горы, отделяющие север и белопенное море от всех остальных земель, названы в гимнах Вед хребтами Меру, а величайшая из них – Мандарой. В Авесте – это горы Хара с их главной вершиной – горой Хукайрья. И также, как над горами Меру, над Высокой Харой сверкают семь звезд Большой Медведицы и Полярная звезда, поставленная в центре мироздания. Отсюда, с золотых вершин Высокой Хары, берут начало все земные реки и величайшая из них – чистая река Ардвиг, ниспадающая с шумом в белопенное море Воурукаша, что значит «имеющее широкие заливы». Над горами Высокой Хары вечно кружит «Быстроконное» солнце, полгода длится здесь день, а полгода – ночь. И только смелые и сильные духом могут пройти эти горы и попасть в счастливую страну блаженных, омываемую водами белопенного моря-океана.

О великих северных горах писали и древнегреческие авторы. Они считали, что эти горы (названные ими Рипейскими), занимали весь север Европы и, протянувшись с запада на восток, являлись северной границей Великой Скифии. Так они изображались на одной из первых карт земли – карте VI века до н. э. Гекатея Милетского. О далеких Северных горах, протянувшихся с запада на восток, писал «отец истории» Геродот²¹. Сомневаясь в невероятной, фантастической величине Рипейских гор, Аристотель тем не менее верил в их существо-

¹⁸ Гусева Н. Р. Глубокие корни... С. 22.

¹⁹ Махабхарата. Адипарва.—М.—Л., 1950 – С. 53.

²⁰ Махабхарата. Выпуск V. Книга I. Мокшадхарма.—Ашхабад. Илым.-1983.– Гл. 280.

²¹ Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского.—Л. Наука.– 1972. Кн. IV (с. 7, 13, 16 22, 28); Кн. III, С. 116.

вание, был убежден, что к северу земля поднимается, так как солнце там ниже, чем на юге, и с этих гор стекают все самые большие реки Европы, кроме Истра-Дуная. Такое убеждение подкреплялось вполне логичным выводом о том, что реки всегда текут с гор вниз и никогда не текут вверх в горы. За Рипейскими горами, на севере Европы, помещали древнегреческие и древнеримские географы Великий Северный или Скифский океан.

Часть карты к «Географии» Птолемея, изданной в Риме в 1490 году

Вопрос о том, где эти горы, долгое время никак не разрешался. Было высказано предположение, что создатели Авесты и Ригведы воспели в своих гимнах хребты Урала²². Да, действительно, Уральские горы находятся на севере по отношению к Индии и Ирану. Да, богат Урал золотом и самоцветами, далеко к замерзающему северному морю протянулся он. Но только и Авеста, и Ригведа, и античные историки постоянно повторяли, что священные Хара и Меру, Рипейские горы протянулись *с запада на восток*, а Урал ориентирован строго с юга на север. Все – и Авеста, и Веды, и Геродот, и Аристотель – утверждали, что великие северные горы делят землю на север и юг, а Урал – граница запада и востока. И, наконец, не берут начало с Урала ни Дон, ни Днепр, ни Волга, не являются отроги Урала той границей, где разделяются земные воды на текущие в белопенное северное море и впадающие в южное море. Так что Урал, видимо, не разрешил древнюю загадку. Однако здесь не все так просто. Дело в том, что привычный для нас сегодня единый Уральский хребет стал называться так только с середины 18 века (от башкирского названия Южного Урала – Уралтау). Северная же часть Уральских гор издавна называлась «Камнем» или «Земным поясом». В отличие от Южного Урала, протянувшегося с севера на юг в меридианальном направлении, Приполярный Урал (Камень) – наиболее возвышенная и широкая часть Урала, где отдельные вершины поднимаются более чем на 1800 м. над уровнем моря, а общая ширина горной полосы достигает 150 км. (на 65° с. ш.), имеет *северо-восточное* широтное направление. От так называемых «трех камней» отходит Тиманский кряж, который лежит на одной широте и – что крайне важно здесь отметить – объединяется с Северными Увалами – еще одной возвышенностью, протянувшейся с запада на восток. Именно здесь, на *Северных Увалах*, находится *главный водораздел бассейнов северных и южных морей*. Выдающийся советский ученый Ю. А. Мещеряков называл Северные Увалы «аномалией Русской равнины» и, говоря о том, что более высокие возвышенности (Среднерусская, Приволжская) уступают им роль главного водораздельного рубежа, делал

²² Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии.—М.—1983.

следующий вывод: «Среднерусская и Приволжская возвышенности возникли лишь в новейшее время (неогенчетвертичное), когда Северные Увалы уже существовали и были водоразделом бассейнов Северных и Южных морей». И даже более того, еще во времена каменноугольного периода, когда на месте Урала плескалось древнее море, Северные Увалы уже были горами²³. Северные Увалы – главный водораздел рек севера и юга, бассейнов Белого и Каспийского морей – находятся там, где на карте Птолемея (II в. н.э.) помещены Гиперборейские (или Рипейские) горы, с которых на этой карте берет начало Волга, названная древним авестийским именем Ра или Рха. Но по древнеиранской традиции исток этой священной реки находится на горах Высокой Хары, на «золотой вершине Хукария». И здесь стоит привести сообщение арабского ученого Ал-Идриси (12 в.) о горах Кукайя, которые он в своей «Географии» помещает на крайнем северо-востоке Европы, и которые аналогичны Рипейским горам античных географов, а также горе Хукария Авесты. Ал-Идриси, рассказывая о горах Кукайя, с которых берет начало река Русийя, отмечает, что «в упомянутую реку Русийя впадает шесть больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайя, а это большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой земли... Это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах²⁴.

Карта Азии VII по Птолемею (из «Географии» 1540 г.) Под ред. С. Мюнстера

Обратимся к словарию Брокгауза и Ефрона (т.VII. 1892 г.). Здесь говорится о том, что на северо-восточной окраине Вологодской губернии горные хребты нигде не достигают до линии вечного снега, но, благодаря их северному положению, нередко снег не сходит с них

²³ Мещеряков Ю. А. Рельеф СССР.-М.-1972.- С.76,81 -82, 176—177, 207.

²⁴ Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье.-М. Наука.- 1984.-С.212—213.

круглый год. На северных склонах мощность снега к концу марта достигает 3,5 – 4 метров. И если священные горы Хара и Меру и Северные Увалы (в комплексе с Приполярным Уралом) – одно и то же, то найти шесть рек, о которых писал Ал-Идриси, несложно. В Волгу (Русийю) действительно впадают берущие начало на Увалах шесть крупных рек – Кама, Вятка, Ветлуга, Унжа, Кострома и Шексна. И если считать (как считали древние) истоком Волги Каму, то начинается собственно Волга-Рга (Рха) Птолемея и Авесты действительно с Северных Увалов. С них же берет начало и величайшая из рек Русского Севера – могучая и полноводная Северная Двина, впадающая в Белое море и имеющая около тысячи притоков.

Дуга священных северных гор индоиранцев. Главный водораздел северных и южных рек Восточной Европы.

В Авесте есть гимн, воспевающий священную реку арьев Ардви-суру, впадающую в белопенное море. Ниже приводится фрагмент этого гимна:

Молись великой, славной,
Величиной равной
Всем водам, взятым вместе,
Текущим по земле.
Молись текущей мощно
От высоты Хукарья
До моря Ворукаша.
Из края в край волнуется
Все море Ворукаша.
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер²⁵.

Здесь стоит отметить, что Северная Двина, являющаяся самой крупной водной артерией севера Европейской части России, имеет площадь водосбора в 360750 км² и несет 110 млрд. м³ воды, что составило бы два Днепра или три Дона. Половину вод Белого моря составляют воды, принесенные Северной Двиной.

Название реки Ардви Сура Анахита значит «**двойная вода**, могучая, непорочная». Но еще в 16 веке Александро Гванини писал: «Река Двина получила название от соединения двух рек – Юг и Сухона. Ибо Двина у русских обозначает «двойную» (реку)»²⁶. Здесь имеет смысл привести несколько строк из описания путешествия на Север, сделанного молодой петербургской студенткой в 1912 году. Они свидетельствуют о том, какое впечатление могут производить Северные Увалы на человека: «А вот и Сухона. Зататорил пароходу Тотмы, и мы полезли вниз к Северной Двине. Устроившись в каюте, закусив, я вылезла на трап и замерла, потом потрогала себя по лицу – не сплю ли – нет! Отвесные скалы падают в реку, они прослоены мощными пластами разнообразных оттенков, причудливы и величавы; с другой стороны – скалы же, но покрытые соснами, елями – иные ползут по скале, цепляются и играют своей верхушкой с водой, заглядывают в зеркало реки... Где же поэты, художники? На весь мир прославили Волгу, ее Жигули, но здесь не хуже, даже больше величия, хотя речной размах не тот. Где же геологи? Обнаженные скалы по Сухоне допишут не одну чистую еще страницу автобиографии земли...»²⁷. К этому можно добавить, что, находясь на 60° северной широты, Северные Увалы не только являются главным водоразделом Русской равнины и границей севера и юга, но здесь уже можно наблюдать год, разграниченный на светлую и темную половины, можно видеть высоко в зените Полярную звезду и Большую Медведицу, а, спустившись к морю, и полярное сияние. Долгая зима – обычное явление в этих широтах. Здесь стоит вспомнить слова Геродота о том, что: «Во всех названных странах (у Рипейских гор) зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер»²⁸. Кроме того, Геродот писал о безрогости

---

²⁵ Авеста. Избранные гимны (Гимн Ардви Сура). – Душанбе. – 1990.

²⁶ Наш Север в описании иностранцев XVI века. ИАОИРС – 1911. – №1. – С.31.

²⁷ Бова. Из впечатлений Севера. ИАОИРС -1912- №20 – С 9–38.

²⁸ Геродот. История... Кн. IV (28).

быков в землях у Рипейских гор, которую он связывал с суровым климатом этих мест. Но такой комолый скот, обладающий большой жирностью молока (4,7%), есть до сих пор в Кировской и Пермской областях.

Во всех древних описаниях священные северные горы сказочно богаты. Геродот писал: «На севере Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать»²⁹. Если мы будем считать Полярный Урал и Северные Увалы реальным праобразом легендарных гор, то есть ли доля истины в рассказах о золотых руслах рек, о несметных сокровищах этих гор? В «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» (№8, 9 1911 г.) сообщается следующее: «По свидетельству Карамзина, еще в 1491 году в окрестностях реки Печоры были обнаружены залежи медной и серебряной руды». В то же время добывалась медь в окрестностях реки Мезени. «Тогда же в Архангельске был открыт монетный двор, и первые русские медные и серебряные монеты выделывались из меди и серебра, добытых по рекам Печоре, Мезени, Северной Двине». В этой статье сообщалось также, что медная руда на Печоре содержит до 33% меди. Авторы (В. А. Ленгауэр и Е. П. Остроумов) отмечали, что по вычислениям Бартенева «древние разработки производились на площади до четырех квадратных верст, с которой вынуто 50 000 000 пудов рудоносной глины или 1600 000 пудов чистой меди» (с. 26). Здесь же сообщено, что: «На Печоре впервые в России было добыто золото в конце XV века, а материалом для первых русских золотых монет послужило печорское золото».

Здесь издавна добывали золото, вплоть до 19 – начала 20 века, по реке Вишере, в верховьях Печоры. В Вологодской губернии золото отмечено в верховьях Шугора и Илыча. В 1910 году в верховьях Илыча были открыты залежи свинцовой руды. Словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что берега и русла рек Меры, Волги (у Костромы), Унжи и их притоков изобилуют пиритом (золотой обманкой) настолько, что его хватает для промышленных разработок, и крестьяне в конце 19 века собирали вымываемые реками куски породы и отвозили их на местные заводы³⁰. Стекающая также с Северных Увалов на юг река Вурлам и ее притоки проносят свои воды в поймах, содержащих золотой песок. В районе Приполярного Урала, Тиманского Кряжа и Северных Увалов огромное количество полезных ископаемых, многие из которых были хорошо известны и использовались еще в глубокой древности. Реки, «текущие в золотых руслах», и горы, «богатые драгоценными камнями», – не миф, а реальность.

Таким образом, таинственные священные горы арийских мифов, скифских преданий и рассказов античных писателей обрели вполне реальные очертания, так как практически все, что говорилось о Харе, Меру и Рипейских горах, можно соотнести с Северными Увалами и Приполярным Уралом, а также возвышенностями Карелии и Кольского полуострова, замыкающими на западе эту дугу и сказочно богатыми всевозможными полезными ископаемыми.

Среди всего, что было сказано о священных горах арьев (Рипейских горах скифов), и что мы пока не связали с Северными Увалами, осталась одна важная деталь – высота гор. Действительно, Хара, Меру и Рипейские горы описываются как очень высокие, высота же Северных Увалов (в отличие от Тимана и Северного Урала) не превышает сейчас 500 метров над уровнем моря. Но здесь следует учесть такие моменты: описывая вершины Хары и Меру, древние певцы постоянно отмечали, что они покрыты лесом, изобилуют зверем и птицей, т.е. никак не могут быть очень высокими. Не стоит забывать и то обстоятельство, что низкое северное небо, специфическое положение солнца, а также то, что отсюда реки текли как на юг, так и на север (реки текут сверху вниз, а не наоборот), все это свидетельствовало для древних наблюдателей об одном – земля к северу поднимается, и здесь находятся самые высокие горы на земле. Надо учитывать также, что высота горных массивов – это не нечто абсолютно стабильное, за тысяче-

²⁹ Геродот. История... Кн. III (116).

³⁰ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона.—Спб.—1895.— т.31. – С.409.

летия возвышенности растут и опускаются. Стоит вспомнить, что целый континент – Антарктида – опустился под тяжестью льда на 900 метров. Скандинавский ледник был не меньше и с не меньшей силой давил на Европу, но здесь его давление уравнивалось подъемом сопредельных частей платформы. При таких условиях какова могла быть высота Северных Увалов, у западной оконечности которых ледник остановился?

Он окончательно растаял к 8 тысячелетию до н.э., и начался медленный подъем Скандинавии и опускание Русского Севера, которые продолжаются и сейчас. Но процесс этот идет скачкообразно, и у нас нет оснований сомневаться в том, что Северные Увалы были в 5 – 3 тыс. до н.э. выше, чем в наши дни. И, наконец, в древних мифах говорится о том, что за горами Хара и Меру, на берегу Молочного моря, находится счастливая страна, обладающая теплым климатом, свободная от холодных ветров и рожающая обильные плоды. В рощах и лесах именно этой страны, где солнце восходит и заходит раз в год, обитает счастливый народ. Именно в этой стране помещают «Авеста», «Ригведа» и «Махабхарата» землю своих предков, место обитания богов и героев.

Конечно, сейчас трудно представить себе север Восточной Европы как «благодатный край». Мы привыкли к безликому, ущербному термину «Нечерноземье», связывая с ним представление о земле, где к северу от Вологды «царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», где всегда крестьянину приходилось поливать своим потом скудную пашню, которая приносила ему жалкий, едва хватающий для пропитания, урожай. Но так ли все было на самом деле? Обратимся к выводам современной палеоботаники, науки, восстанавливающей древний облик растительного покрова Земли и соответственно тех климатических условий, в которых эта растительность могла существовать. Российский палеоботаник Н.А.Хотинский пришел к выводу, что в 6 – 3 тысячелетии до нашей эры подъем температур в лесной и тундровой зоне совпал с их падением к югу от 50—55° северной широты. Ученые отмечают, что в IV тысячелетии до нашей эры на севере Восточной Европы июльские температуры были выше, чем в настоящее время, на 4—5°C. Но такое наибольшее потепление было свойственно той части континента, что расположена к северу от 55—60° с. ш. (т.е. за Северными Увалами), южнее оно уменьшалось и приблизительно на широте 50° с. ш. температуры были близки к современным. Это при том, что в середине 4 тысячелетия до нашей эры в северном полушарии на широтах 57—59° с. ш. годовые колебания температуры были меньше современных на 3—5°C, а безморозный период на 30—40 дней больше современного³¹. О том, что территории за Северными Увалами и побережье Белого моря могли быть в древности (6 – середине 2 тысячелетия до нашей эры) цветущим краем, свидетельствуют факты недавнего прошлого. В 19 веке, когда в некоторые годы (в 1836 г., например) снег выпадал и не таял в Онежском уезде с 6 августа, в Мезенском – 8 августа, а на Печоре лед не таял совсем, средняя урожайность ржи составляла в Мезенском уезде сам 15—20 (т.е. одно зерно давало 15—20 зерен), Кольском – сам 9, Холмогорском – сам 8, а максимально (сорт «Ваза») – сам 180, ячмень давал сам 10, а максимально сам 40 и т. д. Эти данные взяты из «Известий Архангельского Общества изучения Русского Севера». Там же известный исследователь сельского хозяйства европейского севера России А. Журавский писал в 1911 году: «Многие ли знают, что на Печоре уже более 400 лет (в Усть-Цильме) существует хлебопашество? Многие ли знают, что, даже по данным официальных статистических отчетов, урожаи здесь выше, чем в 50% остальной России, несмотря на дико первобытное землепользование и отвлечение доходнейшими промыслами, что, несмотря на отсутствие путей сообщения и прочих условий для возникновения и развития экспортной торговли маслом, в Печорском уезде, при малой его засе-

³¹ Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. – М. Мысль.-1988.-С.48.; Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья.-М. Наука.-1987.-С136.

ленности, – наивысшее количество голов не только оленей, но и молочного скота и лошадей»³². Он же отмечал, что в Пермском и Вятском крае производилось более четверти миллиарда пудов зерна, хотя пахотная земля составляла здесь 7% всей пахотной земли Европейской России. В начале 20 века на Печоре выращивали весьма успешно озимую рожь, овес, яровую пшеницу, ячмень, лен, гречиху и картофель. Летом 1823 года в Архангельске созрели на грунте персики. В городе и пригороде постоянно выращивались дыни. В 1912 году в окрестностях г. Вельска был обнаружен скороспелый вид пшеницы, а шенкурская пшеница по анализу американских ученых оказалась самой скороспелой, самой засухоустойчивой, имеющей самое полновесное зерно из всех пшениц США, о чем свидетельствуют «Материалы для селекции зерна в США и Западной Европе, полученные с Севера (Швеция, Финляндия, Россия) в XIX веке»³³. Этот перечень может быть продолжен: самая скороспелая пшеница в мире найдена на Онеге, смый скороспелый ячмень – четырехрядный – был широко распространен на Севере, а знаменитая канадская пшеница, завезенная в Россию в конце 19 века и называвшаяся «Харьковской», в Канаду попала из Архангельской губернии. Известный статистик 19 века Иван Федорович Штукенберг в своем «Описании Архангельской губернии» (СПб. 1857) свидетельствует: «Несмотря на скудную растительность Канинской земли на границах ее в небольшом количестве встречается дикая рожь.

На бывшей в Архангельске выставке земледельческих произведений эта рожь была представлена в виде зерен, муки и печеного хлеба. Здесь же встречается дикий горох, дикий чеснок, употребляемый самоедами и годный в пищу, ягоды четырех сортов». Он отмечает далее, что академик Лепехин еще в 18 веке сожалел о том, что никак не используется растущий здесь дикий лен. Наличие в Канинской тундре дикорастущей ржи, гороха и льна представляется странным, когда заведомо знаешь о том, что за последние два тысячелетия рожь, горох и лен здесь не выращивались и более того – самоеды, по утверждению Лепехина, а затем и Штукенберга, употребляли в пищу только дикий горох и чеснок, не имея представления о ржи и льне.

Уже в наше время, в 1947 году, академик Л.С.Берг писал: «Для большей части наших хлебов на севере и востоке, в известном отношении, сравнительно более благоприятные условия, чем на юге и западе», и что «как это ни парадоксально на первый взгляд, урожайность хлебов в подзоне тайги (а также в подзоне смешанных лесов, т.е. вообще в нечерноземной полосе) гораздо выше, чем в степях». Л. С. Берг привел цифры, которые могут обескуражить неподготовленного читателя и показаться фантастическими. Сравнивая урожайность зерновых в степях и нечерноземной зоне (Самарская, Саратовская губернии и область Войска Донского – с одной стороны; Петербургская, Новгородская, Вологодская, Вятская, Пермская губернии с другой) за 1901 – 1910 гг., он пришел к выводу, что превышение средних урожаев в Нечерноземье над черноземными губерниями составляет: овес – 51%, ячмень – 69%, яровая пшеница – 33%, озимая пшеница – 42%. Причем, урожаи на севере резко возрастают в сухие и теплые годы. Так, в засушливом 1921 году на юге и востоке был голод, а в Новгородской области получен небывалый урожай: рожь, обычно дающая урожай сам 4—5, в 1921 году дала сам 9—10³⁴. Эти примеры можно было бы продолжить. Вывод напрашивается сам собой – если с VI до конца II тысячелетия до нашей эры на севере Восточной Европы был более теплый и сухой климат, чем в настоящее время (а именно это отмечают палеоклиматологи), причем, повторяем, этот подъем температур на севере совпал с их падением южнее 50—55° с. ш., то, вероятно, древние авторы, воспевая землю за горами Хара и Меру, на берегах Белого или Молочного моря, как прекрасный край, где все растет в изобилии, были не так уж далеки от истины.

³² Журавский А. Земледелие на Севере. ИАОИРС-1911. – №16. – С.284.

³³ Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1913. – №2,3. – С. 126.

³⁴ Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. – М. – 1947. – С.92—194, 196.

В древнем эпосе «Махабхарата», там, где рассказывается о священной северной стране предков арьев, есть наряду с ранее описанными «полярными» явлениями и описания извержения вулканов, говорится об «огнедышащих» горах, «сверкавших огнем», разбрасывающих искры, о «горах с зажженными огнями». Исследователь и переводчик текстов «Махабхараты» академик Б.Л.Смирнов указывал на то обстоятельство, что: «древние арийцы где-то наблюдали вулкан, но остается вопросом, где именно, так как, насколько известно на Деканском плоскогорье, да и вообще в Индии, не описано потухших вулканов, не говоря уже о действующих»³⁵. Нет их также и на Памире, и Тянь-Шане. Но вот такую информацию опубликовали 17 апреля 1987 года в газете «Вологодский комсомолец» геологи Ленинградской геологической экспедиции В. Гаркуша и В. Хаецкий. В статье «Вулкан под Вытегрой» они пишут: «После внимательного изучения района Ухтозера и ряда находок мы пришли к выводу, что перед нами следы деятельности когда-то существовавшего здесь вулкана... Считаем, что вулкан действовал сравнительно недавно, естественно, в геологическом понимании каких-нибудь десять тысяч лет тому назад». И более того, еще в 1581 году Александре Гванини, пользуясь материалами Матвея Стрековского, писал, что на Кольском полуострове «есть горы, которые извергают пламя, как Этна»³⁶. И, наконец, анализируя тексты древнеиндийского эпоса, Б.Л.Смирнов подчеркивал, что описание озаренного всеми красками неба очень похоже на «картину сумерек дальнего севера». В «Махабхарате» есть удивительные строки, характеризующие отношение арьев к своей древней прародине:

«Северная часть земли всех других чище, прекрасней,
Живущие здесь, там возрождаются добродетельные люди,
Когда, получив (посмертные) почести, они уходят...
Когда взаимно друг друга пожирают полные
Жадности и заблужденья,
Такие возвращаются здесь и в Северную страну не попадают».
Воспевая верховного Бога-Творца, певцы возглашали:
«Ты – год и его времена, месяц и полумесяц,
Ты – круги мировых времен, лунные четверти...
Ты – вершины деревьев, горные утесы...
Из океанов – Молочный Океан.
Лук – из орудий, из оружий – перун,
Из обетов – правда».
(Мокшадхарма. Гл. 191. (22—25); гл. 286. (57—59).

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что север действительно был для арьев священной древней прародиной, память о которой они сохранили в гимнах, молитвах и преданиях. Проходили тысячелетия, расселялись пастухи и земледельцы все дальше и дальше на юг и юго-восток, на запад и юго-запад. Ну, а север? Неужели все арьи покинули родную землю в поисках лучшей доли? Вероятно, нет!

Вглядитесь внимательно в карту севера Восточной Европы, в названия рек, озер, населенных пунктов. Все эти названия сохраняются в том случае, если остаются люди, которые помнят их. В противном случае приходит новое население и называет все по-новому. На Русском Севере по сей день можно встретить названия рек, явно связанные с санскритом: Уса, Уда, Снопа, Сундоба, Индола, Индосар, Синдош, Варна, Стрига, Свага, Сватка, Харина, Пана, Тора, Арза, Прупт. Так же, как названия деревень и сел: Харино, Харово, Харина гора, Харенское,

³⁵ Махабхарата. Кн. III. Лесная. – Ашхабад.—1958.—С.580.

³⁶ Наш Север в описании иностранцев XVI века... С.31

Харинская, Мандара, Мандарово, Рипино, Рипинка и т. д. И именно в тех местах, где сохранились эти древние названия сел и деревень, в ткачестве и вышивке русских крестьянок до конца 19 – начала 20 века стойко сохранялась традиция древних геометрических орнаментов, которые можно найти в древнейших культурах Евразии 6—2 тысячелетий до нашей эры. И, прежде всего, это те орнаменты, зачастую очень сложные и трудоемкие, которые были «визитной карточкой» арийской древности. Многие обычаи и обряды восточных славян (и в частности русских) свидетельствуют о сохранении памяти о далеких «ведических» временах. Б.Л.Смирнов привел следующий пример такой памяти: «В ведической традиции почитаемого живого человека нужно обходить справа, мертвому же выражается почтение обходом слева. Таким образом, совершается движение „посолонь“ или в обратном направлении... Насколько прочны эти традиции, свидетельствует исторический факт страстной защиты староверами *древнего обычая выхода из южных врат во время литургии (посолонь)*, тогда как Никон ввел новшество: выход из северных врат»³⁷. Так что отнюдь не из простого упрямства отстаивали староверы свои древние традиции. И у многих народных обычаев такие же глубочайшие исторические корни, уводящие нас в седую ведическую архаику.

«Народ не помнит, чтоб когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды. Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как сама жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей, и все будущее развитие жизни. Поэтому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его священное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам»³⁸. Эти слова выдающегося русского фольклориста 19 века В.И.Буслаева, произнесенные им на торжественном акте в Московском Университете в 1859 году, не потеряли своей актуальности и в наши дни. И опускаясь в глубины тысячелетий в поисках ответов на вопрос: «Так что же это за священное предание, в чем этот святой завет предков потомкам?», – мы берем с собой как путеводную нить ту память прошлого, что сохранилась в наших песнях, сказках, былинах, в наших обрядах, ритуалах, поверьях и еще в священных книгах древних ариев – Веде, Авесте, Махабхарате, в преданиях, обрядах и ритуалах других индоевропейских народов.

³⁷ Махабхарата. Книга о женах (кн. XI). – Ашхабад.—1963.—С.641.

³⁸ Баландин А. И. Мифологическая школа в русской фольклористике. – М. Наука. – 1988. –С41.

Глава вторая

Путеводная нить

СКАЗКИ, БЫЛИНЫ, ЗАГОВОРЫ

Ф.И.Буслаев в своей знаменитой речи «О народной поэзии в древнерусской литературе, произнесенной в 1858 г., подчеркнул, что: «Ясное и полное уразумение основных начал нашей народности есть едва ли не самый существенный вопрос и науки, и русской жизни»³⁹. Пытаясь сегодня решить хотя бы малую часть этой задачи, мы обязаны обратиться к еще живой народной традиции и попробовать рассмотреть ее сквозь призму многотысячелетнего прошлого, в котором скрываются «основные начала нашей народности». И основным сравнительным и дешифрующим материалом здесь, как и ранее, будут тексты гимнов Ригведы и эпоса Махабхарата, что обусловлено «как большей степенью соответствия между ведическим и русским в силу лучшей сохранности в нем архаизмов, чем в западных языках, так и большей близостью русской (славянской) мифопоэтической традиции к индоиранской»⁴⁰. При этом еще раз подчеркнем, что в восточнославянской традиции вообще, а в севернорусской в особенности, сохранились такие элементы, которые архаичнее не только древнегреческих, но даже и зафиксированных в Веде. Свидетельством тому являются русские народные сказки, песни, заговоры, обряды, народное прикладное искусство.

Говоря о русской народной волшебной сказке, Ф.И.Буслаев подчеркивал, что: «Как обломок доисторической старины сказка содержит в себе древнейшие мифы, общие всем языкам индоевропейским, но эти мифы потеряли уже смысл в позднейших поколениях, обновленных различными историческими влияниями, потому сказка относительно позднейшего образа мыслей стала нелепостью, складкой, а не былью. Но в отношении сравнительного изучения индоевропейских народностей она предлагает материал для исследования того, как каждый из родственных народов усвоил себе общее мифологическое достояние»⁴¹. Обращаясь к русским народным волшебным сказкам, широко распространенным и на европейском севере нашей страны, мы отнюдь не ставим перед собой задачи систематизации их типов, что давно сделано А. Аарне, В.Я.Проппом и другими исследователями. Нас интересуют те мотивы, которые являются абсолютными аналогами древних индоиранских мифологических сюжетов или расшифровываются на их основе. В связи с этим кругом задач имеет смысл прежде всего обратиться к поэтическим сказкам А.С.Пушкина.

В.Я.Пропп подчеркивал, что: «В истории русской художественной культуры Пушкин был первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки»⁴². Причем следует отметить, что А.С.Пушкин воспринял не только красоту чисто литературной формы сказок, но и ту их глубинную сущность, то порой непонятное и таинственное в их образном строе, что он бережно сохранял и передавал в своих поэтических сказках практически без изменений. Поэтому зачастую мы встречаем здесь такие образы, ситуации, символы, которые требуют специального анализа и расшифровки уже на уровне современных данных науки.

В связи с этим кругом задач имеет смысл обратиться к «Сказке о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди», созданной А.С.Пушкиным через одиннадцать лет после «Руслана и Людмилы» в 1831 году.

---

³⁹ Баландин А. И. Мифологическая школа... С.40.

⁴⁰ Ригведа. Мандалы I—IV.. С.543.

⁴¹ Буслаев Ф. И. Славянские сказки. Буслаев Ф. Русская народная поэзия. – СПб. – 1861.-С. 310.

⁴² Пропп В. Я. Русская сказка. – Л. Изд. ЛГУ. – 1984. – С. 68—69.

Поэт трижды записывал текст этой сказки: в Кишиневе (1822 г.), от своей няни Арины Родионовны (1824 г.) и еще один раз, в 1828 г., правда, источник остался неизвестен⁴³. Все это свидетельствует о том, что данный сюжет был достаточно широко распространен и стойко хранился в народной памяти, так что вряд ли имеет смысл искать исходный вариант среди сказок братьев Гримм, как это иногда делается. Здесь стоит вспомнить русскую народную сказку «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» из собрания А.Н.Афанасьева: У царя и царицы три дочери – три родные сестрицы. Они идут на посиделки к бабушке-задворенке, где старшая обещает, если на ней женится Иван-царевич, вышить ему ковер-самолет; вторая сулит подарить кота-баюна, а третья – родить девять сыновей – «по колена ноги в золоте, по локти руки в серебре, по косицам часты мелки звездочки». Иван-царевич женится на младшей царевне. Во время его отъезда царевна родила трех из обещанных девяти сыновей. Но Баба-Яга отобрала у царицы детей, а взамен оставила трех щенят. Царевич рассердился, но в первый раз жену простил. Во время следующей отлучки Ивана-царевича его жена вновь родила, но теперь уже шесть сыновей. Зная, что может прийти Баба-Яга, она спрятала одного сына в рукав. Баба-Яга заменила пятерых мальчиков на щенят. Приехавший домой царевич приказал посадить жену в бочку, заколотить, засмолить и бросить в океан-море. Сын Марфы-царевны растет не по дням, а по часам. Бочку выбрасывает на мель. На берегу по их пожеланию «устроилось великое царство». К царевне и ее сыну приходят нищие. Затем они идут в царство Ивана-царевича и рассказывают о виденном чуде. Баба-Яга говорит, что у нее в лесу, у старого дуба, живет восемь чудесных молодцов – «по колена ноги в золоте, по локти руки в серебре, по косицам часты мелки звездочки». Узнав об этом, Марфа-царевна отправляет сына в лес, где в подземелье под старым дубом жили ее сыновья. Братья узнают хлеб, принесенный им от родной матери, и поднимаются на землю. Иван-царевич слышит от нищих о новом чуде и едет на него посмотреть. Узнает свою жену и сыновей, казнит Бабу-Ягу⁴⁴. Таков сюжет этой сказки.

В другом варианте, в сказке «Во лбу солнце, на затылке месяц, по бокам звезды», три сестрицы по очереди обещают в случае женитьбы на них Ивана-царевича: напрясть на рубашку, «какой во всем свете не спрядут», «вы ткать кафтан из серебра и золота», «родить сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды». Как и положено, Иван-царевич женится на третьей сестре. Старшие сестры завидуют ей и вместе с няньками и мамками подменяют одного за другим трех сыновей, показывая отцу сначала котенка, потом щенка и, наконец, обыкновенного ребенка. Иван-царевич приказал судить жену, ее вместе с подкидышем, выколол ей глаза, засмолили в бочку и бросили в море. Настоящие сыновья Ивана-царевича живут, тем временем, тайно от отца, во дворце в отцовском саду. Подкидыш в бочке растет не по дням, а по часам. Он просит, чтобы бочка пристала к берегу, чтобы она лопнула, чтобы появилась баня, чтобы промытые глаза его приемной матери прозрели, чтобы там появился дворец с настоящими детьми царевны. Он относит трем братцам три лепешки, испеченные на материнском молоке, становится их названным братом. Во дворец к матери и четверем мальчикам приходят нищие старцы. Затем они идут в царство Ивана-царевича и рассказывают ему о чуде. Он едет к своей семье⁴⁵. Имеется еще один вариант сказки «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», где есть и одинокий остров в море-океане, и купцы на кораблях, и три чуда: первое – мельница, которая сама мелет, сама веет, около нее – золотой столб, на столбе висит золотая клетка и «ходит по тому столбу ученый кот: вниз идет – песни поет, вверх поднимается – сказки сказывает». Второе чудо – золотая сосна, на которой сидят птицы и распевают райские песни. И, наконец, третье чудо – три брата, у которых «ноги по колена в серебре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды». Здесь,

⁴³ Пропп В. Я. Русская сказка..., С. 69.

⁴⁴ Ненаглядная краса. – Минск. – 1992. – С. 55–61.

⁴⁵ Ненаглядная краса..., С. 51–54.

правда, есть еще и четвертый царевич, не отмеченный этими чудесными признаками, но зато он летает в царство своего отца мухой и комаром⁴⁶.

Судя по всему, А.С.Пушкин использовал какой-то другой вариант этой сказки, причем исключительно архаичный в своей основе. Основанием к такому выводу является четкая семантическая связь всех элементов повествования. Судя по всему, зачин «Сказки о царе Салтане» берет свое начало в древнейших пластах индоевропейской мифологии. Действительно, идея трех изначальных нитей, творящих все во Вселенной, трех богинь судьбы, известная еще ведической мифологической традиции, трех прях-Мойр древнегреческой мифологии, очень четко зафиксирована в сказке А.С.Пушкина. Дальнейшее развитие сюжета свидетельствует о том, что именно ведические мифологемы легли в основу данной сказки. Вспомним, что сделали бояре с царицей-пряхой, матерью князя Гвидона и ее сыном-богатырем, «росшим не по дням, а по часам» (что обычному человеку не свойственно, а присуще только божественным персонажам, приходящим в человеческом облике в мир людей и обязательно возвращающимся в мир богов). В отличие от многих, широко распространенных сюжетов с вынужденным отправлением младенца в лодке, коробе, корзине и т. д. по водам (во имя его спасения или с надеждой на возможность такого спасения), здесь совершается целенаправленное убийство. Бояре «царицу... в бочку с сыном посадили, засмолили, покатали и пустили в Окиян». Отданный стихии воды Гвидон именно в бочке начинает стремительно расти, именно ему, а не его матери, подчиняются волны. И это закономерно, ведь само его имя – Гвидон – говорит о связи с водой, водными глубинами: древнеиранское Дон, Днепр, Днестр и русское слово «дно» – родные братья. В дальнейшем сюжет строится таким образом, что убийство превращается в свою противоположность – вечную счастливую жизнь на чудесном острове Буяне, где сбываются все желания, где «все богаты, изоб нет, везде палаты».

И здесь имеет смысл вспомнить один из сюжетов зачина Махабхараты – рассказ о Бхишме. Суть его такова: за провинность перед Творцом Брахмой восемь бессмертных богов были наказаны тем, что каждый из них должен был в человеческом облике прожить человеческую жизнь в мире людей. Но они упростили богиню священных вод Гангу избавить их от этой участи. Она согласилась семерых богов вернуть на небо, однако один из них (в образе воина Бхишмы) должен был остаться среди людей. Став женой царя Шантану, Ганга родила ему одного за другим семь сыновей и каждого новорожденного она топила в реке. Отдавая царю восьмого сына – Бхишму, царица сказала: «Знай, я богиня этой реки и мое имя Ганга. Блажен, кто оканчивает свою жизнь здесь, в волнах, – он обретает бессмертие и живет в обители богов»⁴⁷. Таким образом, в сказке «О Царе Салтане» брошенные в море-океан (представление о котором в древности было связано с космическим, небесным океаном) мать и сын приплывают на остров Буян, к тому самому «Лукоморью», где находится «дуб зеленый» вступления к «Руслану и Людмиле». И здесь имеет смысл обратиться к русской фольклорной традиции и, в частности, к народным заговорам. Действие эпических заговоров происходит, как правило, «на море-океане, на острове Буяне», во всяком случае именно такими словами начинается «кильный стих» 1647 года: «На море Окияне, на острове Буяне стоит сыр дуб крепколист...». Но в севернорусских диалектах «буян, буй, буево, буевище» – высокое место, холм, курган, кладбище, погост, то есть «тот свет». Примеров заговоров, в которых фигурирует «остров Буян» очень много, вот некоторые из них:

«На море, на океане, на острове на Буяне

Стоит дуб таратынский...»;

«На море, на океане, на острове Буяне, растет дубище...»;

⁴⁶ Диво дивное. Т. 2. – М.: Современник. – 1993. – С. 77–80.

⁴⁷ Махабхарата (в пересказе Н.Р.Гусевой). – М. Детская литература. – 1984. – С. 19.

«На море-океане, на большом Буяне,
Стоит дуб, стародуб...»;
«На море Океане, на острове Кургане
Стоит сыр дуб...»;
«На море-океане, на острове Буяне стоит дуб-карколист,
вверх корнями, вниз ветвями...»⁴⁸

И здесь уместно вспомнить строки древнеарийского текста: «Светлый помыслами, Царь Варуна держит крону дерева в бездонном пространстве; корни – вверх, а ветви его вниз смотрят. Да проникнут Лучи их в сердце наше.»⁴⁹

В эпических заговорах с островом Буяном постоянно связано дерево, как правило, это дуб. Общеизвестно, что в индоевропейской мифологии дуб – символ божества неба (грома и молнии). Дуб – дерево Перуна у славян, Перкунаса – у балтов, а в древнегреческой мифологии Зевсу (в наиболее архаическом варианте) поклонялись в виде дуба у воды. Иногда, правда, в заговорах вместо дуба фигурирует «белая береза» – также одно из священных, чистых деревьев у всех индоевропейцев с глубочайшей древности. Образ острова Буяна и дерева на нем (дуба или березы) настолько устойчив в русских заговорах, что даже тысячелетие христианства не смогло стереть его из народной памяти. И более того, христианские мотивы соединяются в заговорах с образом «святого острова» и «древа жизни» в самые невероятные сочетания. Например: «У этого Окияна-моря стоит дерево-карколист; на этом дереве карколисте висят: Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники...»⁵⁰. Здесь невольно вспоминается Один – верховный бог скандинавской мифологии, изначально представлявший духовную власть, мудрость и сакральное знание, владыка небесного царства мертвых, удивительно близкий к арийскому Варуне, также владыке космического океана (т.е. небесного царства мертвых), царю закона и хранителю сакрального знания. Варуна, как было отмечено ранее, связан с деревом, крону которого он «держит в бездонном пространстве» и «корни которого вверх, а ветви вниз смотрят». В русском заговоре фигурирует дерево-карколист, о котором в одном из текстов говорится как о «дубе-карколисте, вверх корнями, вниз ветвями». Именно на таком перевернутом Вселенском космическом дереве и «висят» в русском народном заговоре, записанном в 19 веке В. Далем, христианские святые «Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники». Не сидят под деревом, не, наконец, сидят на дереве, а именно висят. Вспомним, что Один (Водин или Вотан) сам себя принес в жертву и, пронзенный собственным копьем, девять дней висел на мировом дереве, после чего испил священного меда поэзии и постиг руны – средоточие высшего знания и мудрости. Именно благодаря такой жертве Один-Водан соединяется с Мировым деревом и становится посредником между богами и людьми, то есть «великим помощником». О полнейшей перекодировке христианского образа свидетельствует и такой текст заговора: «На море на Окияне, на острове Кургане стоит белая береза, вниз ветвями, вверх кореньями; на той березе Мать Пресвятая Богородица шелковые нитки мотает, кровавые раны зашивает...»⁵¹. Связь Богородицы с мировым деревом в этом заговоре более чем очевидна, весь вопрос в том, что это за «Пресвятая Богородица». Судя по всему, перед нами тот самый древний дохристианский образ Богини-Матери, которая «по представлениям индоиранцев ассоциировалась с мировым деревом»⁵². Образ Пресвятой Богородицы в заговорах очень часто соединяется и с находящимся на острове Буяне священным Алатырь или

⁴⁸ Русские заговоры..., С. 28, 47, 66, 81, 82.

⁴⁹ Поэзия и проза Древнего Востока. – М. Худ. Литература. – 1973. – С. 409.

⁵⁰ Русские заговоры..., С. 74.

⁵¹ Русские заговоры..., С. 47.

⁵² Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада. Сов. Археология. -1979.-№1.-С.43.

Апатр камнем – символом мировой горы. Вспомним, что в сказке «О Царе Салтане» дуб растет на холме (или кургане), который является аналогом мировой горы или Алатырь-камня. Причем именно на этот *холм*, под *дуб* приводит князь Гвидон свою мать – одну из трех дев-прях. Отметим в связи с этим, что в русских народных заговорах Матерь Божия неоднократно входит в некую триаду: так, в одном из заговоров на остановку кровотечения, записанном в г. Дедюхине Пермской губ. Д. Петуховым в середине 19 века, говорится: «В восточной стороне есть синее море, на нем бел Латырь камень, на камне святая церковь, в церкви золотой престол. На том золотом престоле сидит Матерь Божия с двумя сестрицами, прядет и сучит шелковую кудельку»⁵³. Правда, есть и такие варианты заговоров, где просто фигурируют три девицы. Например: «На море на Окияне, на острове Буяне стоит светлица, во светлице три девицы: первая иголки держит, другая девица ниточки делает, а третья девица кровавую рану зашивает»⁵⁴. Или: «Шли три девицы, три красные молодницы, не умели ни ткать, ни прясть, только кровь замолвлять. На море стоит камень, а на камне трость...»⁵⁵. Есть и такой вариант: «В этом великом океане-море есть каменная изба; в этой каменной избе сидят три сестры, самому Христу дочери. Большая сестра сидит у порога на золотом стуле, берет иглу булатную, вдеват нить шелковую, зашивает рану кровавую»⁵⁶. Надо отметить, что даже в тех заговорах, где, казалось бы, полностью исчезла древнейшая основа, отзвуки глубочайшей многотысячелетней архаики все равно дают о себе знать, как в этом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Стану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверями, из ворот воротами, стану на восток лицом, на запад кресцом. Сидит девица душа красная, Пресвятая Богородица, в трои золотые пята шьет, шелкова нитка, золота иголка...»⁵⁷. Или: «На том Окияне море стоит Божий остров, на том острове лежит бел горяч камень Алатр, на камне Святой пророк Илья с ангелами»⁵⁸. Море-океан, остров Буян, дуб-стародуб или заповедный камень Алатырь (Алатр), как обязательные элементы сакрального пространства, присутствуют огромному количеству русских народных заговоров. Христианская топография, попадая в древний текст, как бы переплавляется в нем, ничего не меняя по существу: «На море на Океане, на острове Буяне стоит крута гора Сион-матушка, на крутой горе растет дуб-стародуб...», «На море, на Окияне, на острове Буяне стоит гора Арарат, а на той горе, на Арарате, лежит заповедный камень...»⁵⁹. Причем, древнейшие сакрализованные пространственные элементы постоянно получают в заговорах определения такого характера, как «пречистый святой Океан», «святое море Окин», «Окиян-море железное», «Святой Божий остров» и т. д.

Говоря о сказке «О Царе Салтане», мы должны особо подчеркнуть, что А.С.Пушкин удивительно бережно обходился с мифологическим текстом, сохраняя все его детали, то есть делал то, что впоследствии требовал от писателей В. Белинский, убеждая их сказки, созданные народом, записывать как можно вернее под диктовку народа, а не подделывать и переделывать. Печальным опытом подобных подделок и переделок был в 19 веке сборник И.П.Сахарова «Русские народные сказки», вышедший в свет в 1841 году. В.Я.Пропп отмечал, что В.И.Даль «совершенно сознательно перерабатывал народные сказки и издавал их. Он выпустил две книги, которые не представляют почти никакого интереса для фольклористов и очень слабы с точки зрения художественной. Между тем, в руках Даля было огромное собрание сказок. Мы знаем, что он передал Афанасьеву до тысячи номеров народных сказок, записанных им и другими лицами. Афанасьев использовал из них для своего собрания только 148,

⁵³ Русские заговоры..., С. 47.

⁵⁴ Русские заговоры..., С. 49.

⁵⁵ Русские заговоры..., С. 44.

⁵⁶ Русские заговоры..., С. 46.

⁵⁷ Русские заговоры..., С. 46.

⁵⁸ Русские заговоры..., С. 94.

⁵⁹ Русские заговоры..., С. 84.

с горечью отмечая, что «очень немногие... переделаны с соблюдением местных грамматических форм». И далее В.Я.Пропп констатирует: «Почему Даль, который выпустил классический сборник русских пословиц, который издал замечательный словарь великорусского живого языка, не издал подлинных народных сказок, а предпочел издавать свои собственные переделки? Мы можем это объяснить только уровнем развития науки того времени»⁶⁰. Отметим, что и вторая книга сказок В.И.Даля («Повести, сказки и рассказы казака Луганского» Спб. 1846), и сборник И.П.Сахарова вышли в свет уже после всех сказок А.С.Пушкина в 40-х годах 19 века. Тем поразительнее кажется то внимание к мельчайшим деталям, которым отмечено обращение великого поэта с народными сказочными текстами. Так, в «Сказке о Царе Салтане» им сохранен такой образ (как правило, утраченный в других вариантах этого сюжета), как мать трех девиц-прях – «Сватья Баба Бабариха». Этот образ мы встречаем в заговорах: «На море, на Океане, на острове Буяне сидит баба на камне, у бабы три дочери: первая с огнем, вторая с полымем, третья руду заговаривает и ломоту»⁶¹. В одной из обрядовых песен Вологодчины поется о том, что «за морем у Соловецких живет вдова. У нее три дочери – волосом сивые, собой красивые». Возвращаясь вновь к образам трех прях, с которых мы начали наш анализ сюжета «Сказки о Царе Салтане», еще раз отметим, что образ матери и трех ее дочерей-прях, вероятно, один из древнейших в индоевропейской мифологии. В Древней Греции это божество необходимости, неизбежности Ананке или Ананка и три ее дочери – Мойры или Парки, богини судьбы, вечно работающие пряжи. Согласно мифам, Ананке вращает между колен веретено, ось которого является в то же время вселенской осью. Мойры же помогают вращению этого веретена. Ананке близка к Адрастее, в которой орфическая традиция видела воплощение «законов Зевса, Кроноса, божественных надкосмических и внутрикосмических». Согласно Эсхилу «мудрые поклоняются Адрастее» – вершительнице справедливости⁶². В ведической традиции таким воплощением «законов божественных, надкосмических и внутрикосмических» была Пракрити – изначальная сущность, которая состояла из трех субстанций или трех нитей (гун): саттвы – покоя, разумности, озаренности, благости (белой нити); раджаса – движения, страсти, желания (красной нити); тамаса – инерции, тупости, сонливости, злобы, тьмы, тяжести (черной нити). Надо заметить, что в севернорусской народной традиции сохранилась память об этих изначальных нитях, сплетающих судьбу человека. Так, в одном из поморских заговоров (записанном в 1912г. Г. Цейтлиным) говорится: «На море, на океане, на острове на Буяне сидят Клеймон Папаринский и Василий Лекаринский и тугой лук натягивают... Бело пришло – бело прочь поди; черно пришло – черно прочь поди; красно пришло – красно прочь поди...»⁶³. Вероятно, именно в этот древнейший круг образов и входят пушкинские сватья Баба Бабариха и ее дочери-пряжи в сказке «О Царе Салтане».

Одним из ведущих персонажей в этой сказке А.С.Пушкина является Царевна Лебедь, у которой «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит». Причем, если Князь Гвидон – повелитель вод, то Царевна Лебедь – символ звездного неба. Оснований для такого предположения более чем достаточно. Если мы обратимся к древнейшим литературным памятникам индоевропейцев Ригведе и Авесте, то узнаем, что в санскрите «hansa» – гусь, лебедь и душа, познавшая высшую истину, высший дух. В гимнах Ригведы и Авесты гусь-лебедь ассоциируется с творческим началом Вселенной, со светом, разумом и богом-творцом⁶⁴. Ю.А.Рапопорт считает, что образ водоплавающей птицы «отражает представление об изначальности водной

⁶⁰ Пропп В. Я. Русская сказка..., С. 73—74.

⁶¹ Русские заговоры..., С.49.

⁶² Мифы народов мира. Энциклопедия, т.1. – М. Сов. Энциклопедия. – 1991. – С. 49, 75.

⁶³ Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье. Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1912. – №1. – С. 12.

⁶⁴ Жарникова С. В. Возможные истоки образа коня-гуся и коня-олена в индоиранской (арийской) мифологии. Информбюллетень МАИКЦА (ЮНЕСКО). М. Наука. – 1989.-Вып. 16.

стихии, которую в авестийском пантеоне олицетворяла богиня, чье имя, как полагают, было скрыто за тройным эпитетом Ардвиги Суры Анахиты»⁶⁵. В хорезмийской концепции происхождения Вселенной есть свидетельство того, что «изначальное божество, заключающее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы». Стоит вспомнить также, что спутником Сарасвати – великой водной богини ведической эпохи – был гусь-лебедь, который олицетворял собой всеохватывающее небо⁶⁶. Не менее значимым был этот образ и в славянской культурной традиции. Еще на праславянских украшениях встречаются многочисленные изображения лебедей. На древнеславянских зольниках – местах ритуальных костров – археологи находят вырытые в земле гигантские фигуры лебедей. Древнегреческая мифология не случайно связывает лебедей – священных птиц Аполлона – с северной окраиной Ойкумены, куда они ежегодно уносили бога к берегам холодного Кронийского океана, в земли гипербореев. Вероятно, прав Б.А.Рыбаков, считая, что «солнечных лебедей праславянского мира мы должны рассматривать не как механическое заимствование античного мифа, а как соучастие северных племен в каком-то общем (может быть, индоевропейском) мифотворчестве, связанном с солнцем и с солнечным божеством»⁶⁷. Для восточнославянской фольклорной традиции характерно практически тоже восприятие этого образа, что и в ведических гимнах четырехтысячелетней давности. И так же, как ведическая традиция связывает водоплавающую птицу с верховным существом – творцом Мира, так и записанная в середине 20 века в Русском Устье на р. Индигирке космогоническая легенда о сотворении земли связывает образ творца с уткой-гагрой. Причем, эта легенда удивительно близка к ведическому представлению об акте творения⁶⁸. В целом, в русской народной традиции образы водоплавающих птиц – уток, гусей, лебедей играют совершенно исключительную роль. Зачастую именно утица, лебедь или гусь маркируют собой сферу сакрального в обрядовых песнях календарного цикла. Особенно же широко распространены образы гусей и белых лебедей в русских народных свадебных песнях, где постоянно сравнение невесты с «лебедью белой», плывущей по «Морю Хвалынекому», «по Дунаю», восклицавшей «на тихих заводах», «отстающей от стада лебединого» и т. д. Кстати, и «пава» русских народных песен, судя по всему, мыслилась также водоплавающей птицей-уткой или лебедью. Об этом свидетельствует песня, записанная в 1958 году в Архангельской области:

«Что на тихой на тишине,
Да на тихой лебединою
Да там не паванька плавала,
Да не пава перья ронила...»⁶⁹

А.С.Пушкин, вероятно, прекрасно знал это, когда писал о своей Царевне Лебеди:

«А сама-то величава,
Выплывает, будто пава».

Образ невесты – белой лебеди оказался в народной традиции настолько устойчивым, что сохранился в свадебных обрядовых песнях Псковской земли вплоть до наших дней. Таков он в песне, записанной фольклористами Санкт-Петербургской консерватории в 1985 году:

⁶⁵ Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. Средняя Азия в древности и средневековье. – М. Наука. – 1977. – С. 68.

⁶⁶ Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет..., С. 61,67.

⁶⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М. Наука. – 1981. – С. 344, 365.

⁶⁸ Фольклор Русского Устья. – Л. Наука. – 1986. – С. 212.

⁶⁹ Русская народная поэзия. – Л. – 1984. – С. 193.

«Вы косоя сватавьё, где далеча ездили?
Где далече ездили, что вы чули, видели?
И мы чули, видели, сизу вутицу на море.
Сизу утицу на море, железня на полёте.
Вы косоя сватовьё, вы чаво не поймали?
А мы имали, ня поймали, сиза крылья оборвали.
Гырячу кров разливали, дочку с маткой разлучали.
Атлучали лябёдушку от лебединова стадика.
Прилучали лябёдышку кы гусиному стадику»⁷⁰.

Конечно, во времена А.С.Пушкина эта традиция была гораздо ярче и многообразнее, и само осознание образа «белой лебеди» народом было глубже и серьезней. Об этом свидетельствуют и народные заговоры, и сказки, и изобразительное творчество севернорусских крестьян первой четверти 19 века. Обратимся к текстам заговоров, записанным собирателями 19 века в различных губерниях России. «В Окияне-море пуп морской; на том морском пупе – белый камень Олатырь; на белом камне Олатыре сидит белая птица...» или: «На море Окияне, на острове Буяне, на зеленой осоке сидит птица, всем птицам старшая и большая»⁷¹. Белая лебедь связана со «святым божьим островом» даже в тех заговорах, где явно преобладают христианские образы и символы: «Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, и пойду, перекрестясь, во синё море; на синем море лежит бел горяч камень, на этом камне стоит Божий престол, на этом престоле сидит Пресвятая Матерь, в белых рученьках держит белого лебедя, обрывает, общипывает у лебедя белое перо...»⁷². Заговоры, как и народные сказки, рисуют образ белой птицы отнюдь не однозначным, так, в одном из них: «... па море, на Океане, на острове Кургане стоит сыр дуб, под тем дубом стоит кровать, на той кровати лежит девица...», но недобрая, любящая, помогающая своему суженому Лебедь Белая, а «змеина сестрица»⁷³. Такой вариант заговора представляет безусловный интерес тем, что здесь зафиксирована ситуация, нередко встречающаяся и в русских народных сказках, где между змеей, лебедем или уткой (т.е. водоплавающей птицей) и прекрасной девушкой ставится знак равенства. Так, в сказке «Свет Луна» красавица прилетает к своему мужу Ивану-царевичу крытой огненной змеей, а в «Буренушке» Марья-царевна, превращенная мачехой в гусыню, вновь обретает свой женский облик, превращаясь последовательно в лягушку, змею и веретено. В «Сказке о Царе Салтане» эта вторая сущность Царевны-Лебеди не проявляется, но, повторяем, в русских народных сказках, загадках, заговорах связь Белой Лебеди (или гусей-лебедей) со смертью, с болезнями и их излечением или уходом на «тот свет» очевидна. Так, например, на том же самом «острове Буяне» в «море Океане», где «стоит дуб ни наг, ни одет», растет липовый куст, под которым лежит золотой камень, а на камне «лежит руно черное», и на том руно «лежит инорокая змея Гарaffenа», которая явно заняла место Белой Лебеди⁷⁴. О том, что это именно так, свидетельствует текст другого заговора: «В Окияне-море пуп морской; на том морском пупе – белый камень Олатырь; на белом камне Олатыре сидит белая птица... залетала тая белая птица к рабу Божию (имя рек) и садилась на буйную голову, на самое тия; железным носом выклеывала, булатными когтями выцарапывала, белыми крыльями отмахивала призоры и наговоры, и вся-

⁷⁰ Фонд ФЭЦ МК РФ. – СПб. – №1750—05. – Псковская обл. Велико-Лукский р-н, Пореченский с/с, д. Горбаки 28.01.1985.

⁷¹ Русские заговоры..., С. 93, 157.

⁷² Русские заговоры..., С. 273.

⁷³ Русские заговоры..., С. 81.

⁷⁴ Русские заговоры..., С. 157.

кую немочь за синее море, под белый камень, под морской пуп...»⁷⁵. Однако, те же функции выполняет в заговорах и «красная девица»: «... в синем море Океане белый камень, и от того белого камня выходит красная девица и приходит к тому рабу Божию (имя рек), и вынимает у того раба Божия с пупа грыжу, с сердца грыжу, из-под пупа грыжу, и подкладывает на шелковую ленту, и сносит к сырому дубу...». Или змея: «На море-океане, на большом Буяне, стоит дуб, стара-дуб, под этим дубом, стара-дубом, лежит камень Белороб, на этом камне Белоробе сидит змея-Скоропея...», которая также спасает от болезней, как и «белая птица» и «красная девица»⁷⁶. О том, что «Лебедь Белая» (Царевна Лебедь) связана со смертью, с «тем светом», миром мертвых и миром богов, свидетельствуют и такие русские народные загадки:

«На море, на Окияне,
На острове Буяне
Сидит птица Юстрица;
Она хвалится, выхваляется,
Что все видела, всего много едала.
Видала царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в келье, дитя в колыбели,
А того не едала, что чего в море не достала».
(Смерть)

«Сидит утка на плоту,
Хвалится казаку:
Никто меня не пройдет,
Ни царь, ни царица,
Ни красна девица».
(Смерть)

Стоит особо подчеркнуть, что даже фольклорно-этнографические экспедиции 80-х – 90-х годов зафиксировали в Псковской области четкую память информаторов о том, что среди персонажей святочных ряжений, связанных с обрядами культа предков, обязательно присутствовали «гусь», «гусак», «утка». «Уточка полевая», «утка луговая» или «гуси-лебеди» – характерные персонажи песен Масленицы – праздника, также связанного с культом предков и заклинанием плодородия следующего земледельческого года. В песне, записанной П.В.Шеном в Псковской губернии, поется:

«Приходила Коляда наперёд Рождества
Виноградё красно-зеленое моё!
Нападала пороша снегу беленького
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели – колядовщики, недоросточки»⁷⁷.

Мы уже отмечали ранее то огромное значение, которое придавалось образу гуся и лебедя в ведической традиции. Так, Е.Е.Кузьмина подчеркивает, что в индоиранской мифологии

---

⁷⁵ Русские заговоры..., С. 99.

⁷⁶ Русские заговоры..., С. 59.

⁷⁷ Поэзия крестьянских праздников. – Л. – 1970. – С. 56.

водоплавающая птица выступала олицетворением и спутницей богини-матери, связанной с водой, которая часто изображалась в виде «мирового дерева» с сидящими на нем птицами⁷⁸. Но именно такая композиция – дерево с сидящими на нем птицами, утицами, лебедями или павами – является одной из самых распространенных в русской народной вышивке от Орла и до Архангельска⁷⁹. В пушкинской «Сказке о Царе Салтане» весь комплекс связей, отмеченных для индоиранской традиции Е.Е.Кузьминой, выявлен исключительно рельефно. Здесь есть богиня-мать, связанная с водой (и ее сын – повелитель вод), водоплавающая птица (Царевна-Лебедь) и мировое дерево (дуб).

Отметим также, что в описании Царевны-Лебеди А. С. Пушкин подчеркивает, что она:

«Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает...
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит».

Известно, что ведическая традиция связывает гуся-лебедя с музыкальным ладом, с сакральными музыкальными ритмами, с особым строем напева священных текстов, со стихотворным размером, с определенным положением руки в танце. Но и в восточнославянской, и особенно севернорусской, традиции гуси-лебеди тесно связаны с музыкальным ладом, с гусями (часто крыловидными, в связи с чем заметим, что в санскрите *«hansapaksa»* – крыло лебедя – название определенной позиции руки в танце), с обрядовыми плясками. Так, в одной из предсвадебных песен, записанной в Архангельской губернии, есть следующие строки:

«Вы где, гуси, были?
Вы где побывали?
Где спали, ночевали?
Мы спали у княгини,
Побывали к первобрачной,
Еще что княгиня делает?
Во гусли играет,
Дары снаряжает...»⁸⁰.

То есть, такой важный обряд, как подготовка свадебных даров, обязательно сопровождался ритуальной гусельной игрой.

Мы должны отметить также, что в языке древнеиндийской культуры санскрите слово *hansa-pada* обозначает киноварь, то есть красный цвет. Интересно, что рабочая часть ткацкого стана, создающая узоры нитью красного цвета по белой основе, носит в русской традиции название «уток». Но в ведических текстах понятие «уток ткацкого стана» связывается с представлением о мироздании, где нить утка, не прерываясь, переплетается с основой и образует узор ткани. В ней основа – субстанционально-качественная (энергетическая) нить, а уток расцвечивает основу природы, осуществляет разнообразие ее необъятной, но единой ткани.

---

⁷⁸ Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амураринского клада с изображением цариц. СА. – 1979. – №1. – С.44.

⁷⁹ Жарникова С. В. Образы водоплавающих птиц в русской народной традиции (истоки и генезис). Культура Русского Севера. – Вологда. – 1994. – С. 108— 119.

⁸⁰ Русская народная поэзия. – Л. – 1984. – С. 240.

Зная о том, что в древнейшей традиции музыкальный лад, связанный с гусями-лебедями, творит музыку Космоса, что игра на гуслих соизмерима в этом мифо-поэтическом ряду с тканьем «мировой гармонии», со структурированием Вселенной, можно понять, почему проповедник 12 века Кирилл Туровский грозил посмертными муками тем, кто ворожит, гудит в гусли и рассказывает сказки, почему в требнике 16 века среди вопросов на исповеди были такие, как: «Не пел ли еси песней бесовских. Не играл ли еси в гусли...», а игумен Памфил ругал псковичей за то, что во время Купальской ночи они играли «в бубны и сопели и гудением струнным»⁸¹.

В свете этих исторических данных удивительно то, что А.М.Мехнецову удалось обнаружить архаические формы в живой гусельной традиции Псковской области в 80-х годах 20 века! Это свидетельствует о том, что, не смотря на все гонения, традиция (а значит в какой-то мере и древняя вера) осталась жива на Псковской земле – земле потомков легендарных кривичей, народа, известного еще гимнам Ригведы и преданьям Махабхараты, вплоть до наших дней. Нам сложно представить себе насколько сохраненной и развитой она была во времена А.С.Пушкина. Мы можем только предполагать, что эта традиция была представлена значительно богаче и разнообразнее, чем в наши дни. Утицы, гуси и лебеди русской народной вышивки, утконообразные притужальники ткацких станов, солоницы, скобкاري и братины в форме утки или лебедя, утицы, венчающие, наряду с коньками, крыши крестьянских домов, крыловидные гусли и гуси-лебеди народных песен, сказок, заговоров – весь этот архаический пласт народной культуры был еще живым и полнокровным даже в середине 19 века, тем более в его первой четверти. И такой чуткий художник, как А.С.Пушкин, конечно, не мог пройти мимо загадочного и прекрасного образа Царевны Лебеди (или Белой Лебеди), сохраненного одним из вариантов сказки «О Царе Салтане».

Надо заметить, что в первоисточнике, взятом поэтом за основу «Сказки о Царе Салтане», даже, казалось бы, второстепенные детали повествования при ближайшем рассмотрении оказываются весьма серьезными и значимыми элементами древнего мифа. Так, первым, что сделал князь Гвидон, ступив на берег острова Буяна, было изготовление из дубовой ветки лука, тетивой которого становится «снурок шелковый» от нательного креста. Именно благодаря этому луку князь Гвидон спасает Царевну-Лебедь и, в конце концов, получает ее в жены. Здесь невольно напрашиваются аналогии с ситуацией «Одиссеи», где не признанный муж получает вновь супружеские права, натянув свой лук. Это представляется особенно интересным в связи с тем, что лук и стрелы – оружие типично скифское, и изображения греков-лучников отсутствуют⁸². Возможно, объяснением такого особого отношения к луку вообще и его натягиванию в частности, и в древнегреческой мифопоэтической традиции, и в русской народной сказке служит то, что понятие «лук» кроме оружия включало в себя в глубокой древности также и представление о мужской сексуальной силе, что зафиксировано, например, в праkritской поэзии, в охотничьих песнях⁸³.

Такой персонаж сказки «О Царе Салтане» как белка, которая «песенки поет, да орешки все грызет», имеет себе аналог в германо-скандинавской мифологии, где сохранился образ белки, связанной с мировым деревом Игграсилем, которая снует по этому дереву, являясь посредником между «верхом» и «низом». Есть также предположение о том, что в «Слове о полку Игореве», где, кстати, струны гусель сравниваются со «стадом лебедей», Боян передвигался не «мыслью по древу», а «мысью», то есть белкой.

⁸¹ Савченко С. В. Русская народная сказка: История собирания и изучения. – Киев. – 1914. – С. 37.; Кузьмин А. Г. Падение Перуна. – М. Молодая гвардия. – 1988. – С. 232.

⁸² Черненко Е. В. Скифские лучники. – Киев. Наукова думка. – 1981. – С. 135—137.

⁸³ Вертоградова В. В. К истокам праkritской поэзии (охотничьи песни). Древняя Индия. Язык, культура, текст. – М. Наука. – 1985. – С. 107.

Возвращаясь вновь к «острову Буяну», отметим, что в некоторых заговорах 19 века «остров Буян» прямо называется погостом или кладбищем: «Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, пойду я на погос, на Буюво... поворочу я на святую могилу, спрошу я у мертвого мертвица...» и соотносится с местом, где покоятся умершие: «На мори на Кияни, на острови на Буяни, на камне на высоком стоит гробница, в гробе лежит красная девица...»⁸⁴. Интересно, что и 33 морских витязя – братья Царевны-Лебеди, связанные с морем-океаном и островом Буяном, известны русским заговорам: «На море Океане, на острове Буяне лежат тридцать три мертвеца...»⁸⁵. Отметим, что ведет богатырей их «дядька Черномор»; здесь, в пределах своего локуса – мира мертвых, небесного космического океана, он, безусловно, положительное начало.

В связи с образом 33 богатырей из сказки «О Царе Салтане», которые:

«Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор»,

имеет смысл вспомнить, что в ведийской мифологии, как и в древнеиранской (Видевдат), общее число древнейших богов составило 33: «Богов на небе – 11, на земле – 11, в водах – 11». В гимне Ригведы, обращенном к божествам утренней и вечерней зари, всадникам Ашвинам, певец зовет: «Сюда, о Насатьи, с трижды одиннадцатую», то есть со всеми богами, живущими в глубинах неба – космического океана Вечности⁸⁶.

О том, что в «Сказке о Царе Салтане» остров Буян действительно является «тем светом», местом, где обитают умершие, свидетельствует также постоянное оборотничество князя Гвидона, который для всех своих возвращений в мир живых (царство Салтана) использует чужое обличье. Общеизвестно, что в народных представлениях у мертвых нет обычного земного тела («у навей нет облика»), поэтому они могут прийти в этот мир, только позаимствовав у кого-то его плоть. С этими представлениями связана традиция ряжения в Святки и на Масленицу – дни, посвященные предкам, возвращающимся в мир живых. Такое восприятие ряженных дошло практически до наших дней. Согласно данным, полученным фольклорно-этнографическими экспедициями под руководством А.М.Мехнецова, в 80-е – 90-е годы 20 века во всех районах Псковской области информаторы помнят о таких обязательных персонажах ряжения, как «предки» (старцы, покойник), «нелюди», «чужаки» (нищие, побирушки), «высокие старухи». Л.Н.Виноградова подчеркивает, что ряженные (окрутники, кудесники, шуликоны, колядники, полазники и т.д.) и нищие являются теми ритуально значимыми лицами, при посредничестве которых можно связаться с миром умерших⁸⁷. Здесь стоит отметить, что русское слово нищий соотносится с древнеиндийским *nistyas*, что значит «чужой», «нездешний» и в целом аналогично понятию «ряженный». Л.Н.Виноградова считает, что «по-видимому, можно разделить мнение ряда специалистов о том, что есть основания (в том числе и языковые свидетельства) предполагать, что нищие воспринимались как заместители умерших, а щедрое их одаривание – как отголосок поминальных жертвоприношений»⁸⁸. Для того, чтобы душа живого человека не оставалась навсегда на «том свете», ряженные категорически запрещали называть себя по имени, узнавать себя. За нарушение этого запрета провинившегося «били смертным боем», так как считалось, что душа поименованного может не вернуться в его тело, занятое на время

⁸⁴ Русские заговоры..., С. 56, 49.

⁸⁵ Русские заговоры..., С. 55.

⁸⁶ Ригведа. Мандалы I—IV..., с. 45.

⁸⁷ Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. -М. – 1982.-С. 146.

⁸⁸ Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия..., С. 146.

Святок или Масленицы кем-то из его предков. Такое положение могло принести общине неисчислимые бедствия, т.к. в дни Святок и Масленицы все жили по законам «перевернутого мира» – мира предков. Именно об этом свидетельствуют воспоминания стариков и старух из разных районов Псковской области (80-е – 90-е годы 20 века), отмечавших, что ряженных называли «дедами», что они ходили молча или «выли по-собачьи», кланялись до земли, что их лица были вымазаны сажей, что они были не смешны, а вызывали уважение и страх, что их ждали в каждом доме и готовились к этой встрече. Но по окончании этих обрядовых циклов все возвращалось на свои места, и живые начинали жить по законам мира живых людей. Оставшаяся же в теле человека душа умершего продолжала бы жить по законам «того света», принося живым вред. Остается только удивляться, насколько тонко чувствовал эти оттенки обряда великий русский поэт, коль даже такие, казалось бы, мелкие детали отмечены им в «Сказке о Царе Салтане»: ни царь Салтан, ни ткачиха, ни повариха, ни сватья Баба Бабариха никогда не называют комара – комаром, муху – мухой, а шмеля – шмелем. Когда «с криком ловят комара», то это «распроклятая ты мошка!», когда пытаются поймать муху, то «лови, лови, да дави ее, дави...», когда шмель кусает нос «старой бабушки своей», то мы снова слышим: «лови, да дави его, дави...». Ничто из живого, что может перенести хотя бы кусочек «того света» в наш мир, не может быть названо по имени.

После своих подвигов в мире живых князь Гвидон возвращается на остров Буян, преодолевая морские просторы. Ряженные в русской народной традиции обязательно в Крещение (когда, как правило, трещали самые лютые морозы) после освящения воды купались в проруби, возвращая «тому свету» душу предка, которому «одалживали» на время Святок свое тело⁸⁹. Сделать это было необходимо, так как с древнейших ведических времен считалось, что кратчайший путь души на небо, в обитель богов и предков, – это погружение в речные или морские воды. Такие представления были еще живы в российской глубинке в начале 20 века. Но остается только удивляться тому, что даже в 1996 году в деревне Журавлев Конец Гдовского района Псковской области фольклористам сообщили, что те, кто рядились на Святки, в Рождество обязательно должны были обливаться тремя ведрами колодезной воды⁹⁰. Конечно, русским крестьянам – современникам А.С.Пушкина, не нужно было объяснять, что «остров Буян» – мир умерших, тот свет. Об этом говорило не только название чудесного острова, но и то, что «все в том острове богаты, изоб нет, везде палаты». Но в устах дворянина, барина – А.С.Пушкина – все это свидетельствовало о том, что он удивительно хорошо ориентировался в народных обрядовых текстах и умел находить среди них те, которые наиболее точно выражали мысль поэта. В 1997 году, через 160 лет после смерти А.С.Пушкина, фольклористами Санкт-Петербургского Фольклорно-Этнографического Центра в Духовщинском районе Смоленской области был записан следующий текст подблюдной песни:

«За рекой мужики все богатые,
Они гребут деньги все лопатами»,

которую исполнители называли «дрянной песней», «плохой, к смерти, к покойнику». По существу, это то же самое, что и «все в том острове богаты, изоб нет, везде палаты».

Из этого же ряда и образы корабельщиков-гостей, которые плавают из царства Салтана к острову Буяну и обратно. В принципе, между ними и «нищими», «странниками», «чужаками» святочного ряженья можно поставить знак равенства, они также соединяют мир живых

⁸⁹ Неуступов А. Д. Святочные обычаи в Кадниковском уезде. Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1913. – №1. – С. 26.

⁹⁰ Фонд ФЭЦ МК РФ. – СПб. – 1996.

(царство Салтана) и мир мертвых (остров Буян). Об этом свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени поминальные стихи:

«На синем мори,
На синем мори
Карабели плывут,
Карабели плывут,
Как во том карабле,
Как во том карабле
Да три ангела,
Да три ангела.
Как по морюшку, морю синему,
Рай душе, рай светлый»⁹¹.

Как они созвучны пушкинским строкам:

«Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что весь сюжет пушкинской сказки построен на основе архаических мифологем и, по сути, является логичным мифопоэтическим текстом с минимумом инноваций. У поэта был прекрасный сказочный первоисточник. Удивительно другое – насколько бережно А.С.Пушкин обошелся с этим первоисточником, сохраняя все его детали даже в мелочах. Надо подчеркнуть, что и другие сказки А.С.Пушкина, написанные на основе русских народных волшебных сказок, также наполнены богатейшим и архаичнейшим фольклорным материалом, причем, использованным именно в том контексте, который и предполагали древние мифологические тексты. Поскольку прототипы сказок «О золотом петушке» и «О рыбаке и рыбке» спорны: В.Я.Пропп полагал, что «Сказка о рыбаке и рыбке» восходит к сказке братьев Гримм, а «Сказка о золотом петушке» – к В. Ирвингу⁹², то мы обратимся к «Сказке о мертвой Царевне и семи богатырях», о которой В.Я.Пропп писал: «Имеется фрагментарная запись сказки о мертвой царевне. Принадлежность ее Арине Родионовне сомнительна, хотя и возможна. Пушкин воспользовался ею, но пушкинская сказка богаче и стройнее данного текста»⁹³.

Поскольку анализ «Сказки о мертвой Царевне и семи богатырях» был в свое время блестяще проведен В.Я.Проппом, мы позволим себе остановиться только на некоторых деталях пушкинского текста, подтверждающих наличие в нем фольклорно-мифологических мотивов, исключительно близких к зафиксированным в ведической литературе – Ригведе, Махабхарате, Брахманах – с одной стороны, и в русских обрядовых песнях, заговорах, сказках – с другой. Начнем с того, что уже неоднократно отмечалось исследователями: та часть сюжета пушкинской сказки, которая относится к жизни Царевны в лесу у семи богатырей, удивительно похожа на ситуацию, описанную в древнеиндийском эпосе Махабхарата, где пять братьев Пандавов живут в лесу со своей общей женой Драупади. Но на этом сходство заканчивается, из чего можно сделать вывод о том, что и в основе одного из сюжетов древнеиндийского эпоса,

---

⁹¹ Фонд ФЭЦ МК РФ. – СПб. – 1996.

⁹² Пропп В. Я. Русская сказка..., С. 70.

⁹³ Пропп В. Я. Русская сказка..., С. 69.

и русской сказки лежал какой-то общий протосюжет или, как полагал В.Я.Пропп, некий древний обряд, связанный с так называемыми «мужскими домами». Но в сюжетной канве сказки А.С.Пушкина есть одна удивительная деталь – путешествие королевича Елисея. Разыскивая свою невесту повсюду, он объезжает *стороны света*, а затем обращается за ответом *к солнцу, месяцу и ветру*. Ответ он получает только от *Ветра*, который «всюду веет на просторе». Но вот перед нами древнее сказание – «шрути» (букв. «услышанное») из текстов брахман под названием «Поучение Дхиры», где говорится следующее: Огонь – все, что ни есть на свете. «Поистине, Агни – это дыхание. Ибо когда человек спит, речь его умирает вдыхании, и зрение умирает в дыхании, и разум, и слух. А когда человек пробуждается, все они возникают вновь издыхания. Это о нашей сути». Но *«Будучи зрением, он (Огонь) – Солнце; будучи разумом – Луна; будучи слухом – Страны света; а будучи дыханием, он – Ветер, который всюду веет»*⁹⁴.

Королевич Елисей в сказке А.С.Пушкина обращается именно к этим стихиям. Объезжая все *стороны света*, он обращается к *слуху*:

«За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем *по свету скачет*.
Нет как нет! Он горько плачет.
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется...»

Вопрошая *Солнце*, он обращается к *зрению*:

«Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу,водишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас *видишь* под собой».

Затем обращение к *Месяцу-разуму*:

«Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя».

И, наконец, последнее обращение к *Ветру-дыханию*:

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе
Не боишься никого,
Кроме бога одного».

---

⁹⁴ Поэзия и проза Древнего Востока. – М. Художественная литература. – 1973. -С. 401.

И здесь имеет смысл вновь процитировать древний текст «Поучения Дхиры», где говорится, что: «Когда огонь уходит ввысь, тогда он, поистине, исчезает в ветре, и оттого, что он исчезает в ветре, о нем говорят: „развеялся“. Когда же заходит солнце, оно тоже погружается в ветер, и луна погружается в ветер, и страны света зиждутся на ветре и из ветра появляются вновь. И когда тот, кто знает это, уходит из нашего мира, своей речью он сливается с Огнем, зрением – с Солнцем, разумом – с Луной, слухом – со странами света, дыханием – с Ветром. А растворившись в них, он становится тем из этих божеств, каким пожелает, и обретает покой»⁹⁵.

В «Сказке о мертвой Царевне и семи богатырях» Царевна спит: ее речь, слух, зрение, разум – «умерли в дыхании», то есть в *ветре*, поэтому ни стороны света, ни солнце, ни месяц не могут ничего ответить королевицу Елисею. Это дано только *Ветру-дыханию*, в котором растворилось все остальное.

Возможно, в «Сказке о мертвой Царевне и семи богатырях» мы имеем дело с очень архаическим мифом, сохраненным народной памятью еще с той далекой поры общеиндоевропейского единства, когда предки многих современных народов, говорящих на индоевропейских языках, жили на своей прародине – в Приполярье. Слишком многое в этой сказке не укладывается в схему традиции «мужских домов» и «обрядов инициации». Ее сходство с одним из сюжетов Махабхараты, как было отмечено ранее, ограничивается жизнью в лесу царевны и семи богатырей в нашем случае, и пяти богатырей-братьев Пандавов и царевны Драупади – в индийском варианте. Однако, повторяем, на этом сходство заканчивается, так как Драупади – общая жена пяти братьев Пандавов, а царевна только *названная сестра* семи богатырей, что весьма существенно. Но если мы обратимся к мифологии, к гимнам Ригведы, то выявится очень интересная картина. В гимнах самой древней части «книг знаний» Вед – Ригведы постоянно воспеваются зори: утренняя, предваряющая приход солнца и незакатный 86-дневный день, и вечерняя, предстоящая 64-дневной зимней ночи⁹⁶. Действительно, следом за вечерней зарей и многодневными сумерками на широтах 70 – 68° с.ш. наступает двухмесячная полярная ночь, озаряемая только сполохами северного сияния. Заговоры Атхарваведы называют эту ночь «*супругой года*»⁹⁷. Но весной заря снова оживает и предваряет длинный летний день. В гимнах зори, разделенные ночью, воспеваются как *мать и дочь*:

«Ушли те смертные, что видели,
Как зажигается более древняя Заря.
Это нам теперь она явилась воочию.
.....
Бесконечно зажигалась раньше божественная Заря.
И сейчас здесь зажглась щедрая.
И будет зажигаться она (все) последующие дни.
Она засверкала украшениями на пороге неба.
Богиня сняла черный наряд»⁹⁸.

Утреннюю зарю в гимнах называют «ярко пылающей юной женщиной в светлых одеждах» и «дочерью неба», но подчеркивают, что она «сестра ночи», а солнце «ее возлюбленный»⁹⁹. О них говорят, что «ночь и заря одного духа, (но) разного вида», что когда «светящаяся,

⁹⁵ Поэзия и проза Древнего Востока..., С. 401.

⁹⁶ Древность: Арьи. Славяне. – М. Палея. – 1996. С. 23.

⁹⁷ Атхарваведа. Избранное. – М. Наука. – 1976. – С. 326–327.

⁹⁸ Ригведа. Мандалы I–IV..., С. 138.

⁹⁹ Ригведа. Мандалы I–IV..., С. 137.

сияющая, она пришла, уступила **черная** ей (свои) насиженные места»¹⁰⁰. Заря «**пробудилась**», раскрывая края неба. Далеко прочь она прогоняет (свою) сестру», и «юная женщина сверкает глазом (своего) возлюбленного»¹⁰¹. Здесь хотелось бы привести еще один фрагмент гимна Ригведы, посвященного Заре:

«Снова показалось ее сверкающее пламя.
Она распространяется (и) гонит черное чудовище.
.....
Дочь неба направила яркий свет.
Мы перебрались на ту сторону этого мрака,
Зажигающаяся Заря создает (свои) знаки.
Как соблазнитель, она улыбается, ярко сияя.
Прекрасноликая пробудила (людей) для хорошего настроения»¹⁰².

Отметим, что, будучи дочерью неба, заря всю долгую зимнюю ночь отсутствует, **спит в небе**, где находятся и особо чтимые в ведическое время **семь звезд** Большой Медведицы (семь риши Ригведы, т.е. «семь мудрецов»). Они считались прапредками арьев, в то время как заря – праматерь, так как именно она «отмеряет награды, состоящие из потомства», «озирает все существа», «уменьшает срок жизни смертного», «повелевает надо всем земным добром», «пробуждает людей, поднимает все живое». Зарю называют «матерью богов, высокой богиней», которая «укрепляет людей в роде людском». Будучи богиней, она **сестра** семи звезд-предков и, естественно, у них отдыхает всю долгую зимнюю ночь, до той поры, пока ее не разбудят первые лучи приходящего на север солнца — «ее возлюбленного». И тогда она начинает сиять солнечным светом – «глазом своего возлюбленного», постепенно заполняя все пространство неба и прогоняя царившую до нее ночь. Вся описанная выше мифологическая ситуация достаточно легко укладывается в сюжет «Сказки о мертвой Царевне и семи богатырях» А.С.Пушкина. Отметим, что богиня утренней зари Ригведы Ушас – это весенняя заря и зиму она проводит «в **твердыне на горе**»¹⁰³. В.Н.Топоров отмечает, что образ Ушас восходит к индоевропейскому представлению о заре и ее имя тождественно древнегреческому Эос, латинскому Аврора, латышскому Усиньш, русскому Усень, Авсень. Интересно также то, что «вне Ригведы она появляется очень редко и вскоре в послеведийскую эпоху полностью исчезает», хотя «архαιчность образа Ушас несомненна; ее сравнивали с ипостасями женских божеств типа Великой матери»¹⁰⁴. Такое странное исчезновение образа божества можно объяснить только одним – на полуострове Индостан, куда арьи принесли и где сохранили до наших дней гимны Ригведы, сложившиеся в высоких северных широтах их прародины, **не было многодневной утренней зари**, предвещавшей приход солнца и незакатный 86-ти дневный летний день, и не было 64-х дневной зимней ночи, когда заря и солнце отсутствуют. Что касается русской народной традиции, то можно только удивляться, сколько сказок, песен, заговоров связано в ней с «Зарей-Заряницей, Красной девицей». Вот примеры зачинов некоторых заговоров, записанных исследователями в различных губерниях России в середине 19 – начале 20 веков:

«Заря-заряница, красная девица, утренняя Ирина, Дарья полуденная, придите, возьмите денный крик и полуденный

¹⁰⁰ Ригведа. Мандалы I—IV..., С. 137.

¹⁰¹ Ригведа. Мандалы I—IV..., С. 111

¹⁰² Ригведа. Мандалы I—IV..., С. 111.

¹⁰³ Мифы народов мира. Энциклопедия, т.2. – М. Сов. Энциклопедия. – 1992. -С. 553.

¹⁰⁴ Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 2..., С. 553.

полукрик, отнесите его в темные леса, в далекие края, за синие моря...»

(Балашовский уезд, Саратовская губ.)

«Заря-заряница, Красная девица, возьми ты криксу рабе (имя) и денную, и ночную, и полуночную, и полуденную... Спокой и смиренность дай...»

(Орловский уезд, Орловская губ.)

«Зоря-зоряница! Возьми бессонницу, безугомонницу, а дай нам сон-угомон»

(с. Холмогоры, Архангельская губ.)¹⁰⁵

Но вот перед нами заговор, записанный И. Б. Тепловой в 1996 году в деревне Полна Псковской области у Надежды Ильиничны Карасевой:

«Заря-заряница, красная девица,
Возьми свои ночницы
От раба, младенца (имя рек)
Отдай сон, дрему, доброе здоровье»¹⁰⁶.

Все эти заговоры произносятся на вечерней заре, перед наступлением ночи, в полной уверенности в том, что именно заря может справиться с ночными страхами, с бессонницей, с «криками и полукриками». Интересно еще и то, что заря в заговорах часто выполняет функцию пояса:

«...с восточной стороны текут ключи огненные; возсияли ключи золотом... в тех ключах я умываюсь и Господнею пеленою утираюсь... подпояшусь я белою зарею, покрываюсь медным небом; потыкаюсь частыми звездами; ограждаюсь железным тыном, покрываюсь нетленною ризою от земли до неба...».

Этот заговор, как сообщает Л.Н.Майков, был записан «от старухи-раскольницы» в 60-х годах 19 века в Саратовской губ. А. Леопольдовым¹⁰⁷. То же самое мы видим в заговоре из деревни Сура, Пинежского уезда, Архангельской губ., записанном писарем Г. Хромцовым в 70-х годах 19 века:

«Стану я, раб Божий, и благословесь и пойду перекрестесь, пойду по матери по сырой земли, небом покроюсь, зарею подпояшусь, звездами обтышусь...»¹⁰⁸.

И, наконец, заговор, извлеченный из судного дела 1666 года П. Савваитовым:

---

¹⁰⁵ Русские заговоры..., С. 31, 32.

¹⁰⁶ Фонд ФЭЦ МК РФ. – СПб. —

¹⁰⁷ Русские заговоры..., С. 172.

¹⁰⁸ Русские заговоры..., С. 176.

«... умоюсь утреннею росой и зорею светлою, утрюся красным солнцем, подпояшуся светлым месяцем, отычуся мелкими частыми звездами, покроюся меденным небом...»¹⁰⁹

---

¹⁰⁹ Русские заговоры..., С. 175.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.